

²³ Неточная цитата из стихотворения Блока «О, весна без конца и без краю...» (24 октября 1907 года). Ср.: «Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! / И приветствую звоном щита!» (Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2. С. 185; впервые: Весы. 1908. № 3. С. 7). Эти же строки Гиппиус цитирует в своих воспоминаниях о Блоке: «Я же признал позже — в 1908 году — Блока великим поэтом, прочитав с восхищенным напряжением: / „Принимаю тебя, принимаю / И приветствую звоном щита...“ понравилось — и стихи, и суть» (Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню. С. 60).

²⁴ Цитата из стихотворения Бальмонта «Будем как солнце. Забудем о том...» из книги «Будем как Солнце. Книга Символов» (М.: Скорпион, 1903. С. 2).

²⁵ Вероятно, высказывание Гиппиуса следует воспринимать в контексте событий, происходящих вокруг знаменитого «дела Бейлиса» и судебного процесса по ложному обвинению еврея М. Т. Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего А. Ющинского, который состоялся в Киеве 23 сентября — 28 октября 1913 года. Процесс этот освещался очень широко на страницах русской прессы и разделил общество на два лагеря. Среди тех, кто, по общему мнению современников, поддержал обвинение, были, как известно, В. В. Розанов и П. А. Флоренский. Публикации В. В. Розанова на еврейскую тему широко обсуждались и осуждались в кругу Мережковских. См., например, уже цитируемое во вступ. ст. письмо Д. В. Filosofova к В. Я. Брюсову от 19 ноября 1913 года: «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса! Только что затих скандал с Бальмонтом, как разразился новый, куда более грандиозный! Я говорю о статье Розанова. (Речь идет о статье «Напоминания по телефону» в «Новом времени» (1913. 18 нояб.). — Г. П.). Вчера у нас был сумасшедший дом. Звонили со всех сторон: что делать? Ремизов скрыл газету от жены. З. А. Венгерова сидела весь вечер, с проэктом „письма в редакцию“. Еле-еле уговорили ее молчать. Сегодня утром явился ко мне Зак. Тот самый, которого Роз<анов> повез тогда к Минскому и кровь коего они все пили. Все просят вступить, защитить... Но как? Воображаю настроение Вяч. Иванова и Бердяева» (Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д. В. Filosofova с В. Я. Брюсовым (1906–1909). С. 286).

²⁶ Цитата из стихотворения Е. А. Баратынского «Последний поэт» (1835) из сборника «Сумерки».

²⁷ Было: предощущений.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-1-183-208

© Л. Г. Панова (США)

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ» — УСТАМИ «БЫВШЕГО»: «ДЕКАБРЬ МОРОЗИТ В НЕБЕ РОЗОВОМ...» М. А. КУЗМИНА*

I	1. Декабрь морозит в небе розовом,
2. Нетопленный мрачнеет дом.
3. А мы, как Меншиков в Березове,
4. Читаем Библию и ждем.
II	1. И ждем чего? самим известно ли?
2. Какой спасительной руки?
3. Уж взбухнувшие пальцы треснули
4. И развалились башмаки.
III	1. Никто не говорит о Врангеле,
2. Тупые протекают дни.
3. На златокованном Архангеле
4. Лишь млеют сладостно огни.

* Я благодарю К. В. Душенко, А. К. Жолковского, Е. О. Козюру, А. В. Лаврова, прочитавших эту статью, за высказанные соображения и замечания; И. А. Доронченкова, И. А. Пильщикова и К. М. Поливанова — за дополнения.

- IV 1. Пошли нам крепкое терпение,
2. И кроткий дух, и легкий сон,
3. И милых книг святое чтение,
4. И неизменный небосклон!
- V 1. Но если ангел скорбно склонится,
2. Заплакав: «Это навсегда!» —
3. Пусть упадет, как беззаконница,
4. Меня водившая звезда.
- VI 1. Нет, только в ссылке, только в ссылке мы,
2. О, бедная моя любовь.
3. Струями нежными, не пылками,
4. Родная согревает кровь,
- VII 1. Окрашивает щеки розово,
2. Не холоден минутный дом,
3. И мы, как Меншиков в Березове,
4. Читаем Библию и ждем.¹

Это стихотворение Михаила Кузмина, написанное в голодном и холодном Петрограде 8 декабря 1920 года, памятно не одному поколению читателей, начиная с эмигрантов первой волны, которые вывезли его из советской России и обнародовали.

До первых академических публикаций, сначала в Европе (1977), а затем в постсоветской России (1991), «Декабрь...» существовал нелегально. Когда по инициативе современников Кузмина стихотворение стало появляться в печати, то его помещали либо без имени автора, либо в объеме нескольких строк. Исключение — одно: воспоминания Анатолия Шайкевича «Петербургская богема (М. А. Кузмин)» в парижском альманахе «Орион» (1947).²

¹ Кузмин М. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова. 2-е изд., испр. СПб., 2000. С. 644–645 (сер. «Новая библиотека поэта»). Далее поэзия Кузмина цитируется по данному изданию, ссылки приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

² В размышлениях об оставленной России под говорящим заглавием «Опять о ней» (1921) Зинаида Гиппиус процитировала «Декабрь...» полностью, анонимизировав Кузмина. Из этой публикации пять стрóf перекочевали в харьковскую газету «Коммунист» (1921) — в антиэмигрантскую статью «Шелуха гниющая». А. Мариинский не поверил Гиппиус, свидетельствовавшей, что «Декабрь...» написан оставшимся на родине интеллигентом, и обвинил ее в выдаче собственного описания за чужой и клевете на новую Россию. В эмигрантской прессе 1922 года строфу V «Декабря...» процитировал Алексей Ремизов в «Крюке. Памяти петербургской» (1922); на этот раз авторство Кузмина было указано. После Второй мировой войны появился мемуар Шайкевича о Кузмине, где «Декабрь...» приводился полностью. К 1947 году Кузмина уже десять лет как не было в живых, и деанонимизация не могла ему навредить. В послевоенном СССР строки «Декабря...», в количестве четырех, притом разрозненных, появились в мемуаре Владимира Милашевского «Дом на Мойке» (журнальная публикация — 1970, книжная — 1972; цитату из книжной см. ниже). Подробнее об этих пяти публикациях см.: Кузмин М. Собр. стихов: В 3 т. / Сост., подг. текста и комм. Дж. Малмстада и Вл. Маркова. München, 1977. Т. 3. С. 484, 719–720; Морев Г. Из комментария к текстам Кузмина. II // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 165–167; Селезнев Л. К вопросу о прижизненных публикациях стихотворения М. Кузмина «Декабрь морозит в небе розовом...» («Меньшиков <sic!> в Березове») // Там же. 1997. № 24. С. 281–282; Кузмин М. Стихотворения (комм. Н. А. Богомолова). С. 784. Шестой случай — воспоминание Надежды Тэффи «Кузмин» (первая публикация — 1999, Россия), в конце которого дается текст «Декабря...», полученный, согласно мемуаристке, от Гиппиус. В настоящей статье «Декабрь...» цит. по автографу из собрания А. И. Милашевской (Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме), введенному в оборот Г. А. Моревым в примечании к републикации мемуара Шайкевича 1947 года, см.: Шайкевич А. Петербургская богема (М. А. Кузмин) / Вступ. заметка и прим. Г. Морев // Русская литература. 1991. № 2. С. 112, — поскольку у Шайкевича стихотворение шло в другой редакции.

Исторические катаклизмы XX века, задержавшие встречу «Декабря...» с российской аудиторией на семь десятилетий, повинны также в плохой сохранности архивов Кузмина и его круга. Это не оставляет возможности проследить сколько-нибудь полно рецепцию «Декабря...», включая пути его «самиздатского» распространения. Но какие-то выводы о рецепции сделать можно. В обстановке непрекращающейся гуманитарной катастрофы, когда люди массово гибли, рукописи, даже самые талантливые, горели, а народная тропа к кумирам зарастала, «Декабрь...» был обречен. Тот факт, что эмигрантская среда дала ему путевку в жизнь, означает, что это — сильный текст в том смысле, что он просится быть запечатленным коллективной памятью.

В свете высказанного предположения обратимся к рецепции «Декабря...» за первые полвека его существования.

Современники восприняли стихотворение Кузмина как *нон-фикшн*, точнее, как свидетельские показания о совместно пережитых бедствиях. Вот мнение художника Владимира Милашевского — в 1920 году не только приятеля, но также иллюстратора Кузмина: «Кузмин написал в конце 1920 года жуткие строки (приводятся строки I. 1–2 и II. 3–4 «Декабря...». — *Л. П.*). Да, это <...> точный этюд с натуры. Как я помню эти болезненные ощущения! Но таким настроениям <...> предавались, оставаясь наедине с самим собой. А на людях не унывали и острили».³

Ценителей содружества разных Муз «Декабрь...» пленил тем, что лирическая исповедь Кузмина нашла выход в цитате из изобразительного искусства. Первыми на это обратили внимание Дж. Э. Малмстад и В. Ф. Марков. В их комментарии к «Декабрю...» в мюнхенском «Собрании стихов» Кузмина — месте его первой академической публикации, содержалась и другая находка: в дореволюционном рассказе Кузмина «Машин рай» уже была отсылка к полотну Василия Сурикова «Меншиков в Березове»,⁴ но только там оно называлось «Меньшиковым <sic!>»⁵ в ссылке <sic!>».⁶ Кстати, в рабочей тетради Кузмина сохранилась редакция стихотворения, в которой оно приводилось под суриковским заглавием «Меньшиков <sic!> в Березове».⁷

Две эти линии в рецепции «Декабря...» — назовем их «Жизнь» и «Искусство» — позволяют сформулировать примененный в стихотворении прием, один из тех, что сделал этот текст запоминающимся: свидетельские показания об ужасах военного коммунизма «упакованы» в экфрасис.

Давно замечено: когда в художественном произведении Жизнь и Искусство идут рука об руку, оно обречено на успех. И спустя сто лет известность настигла «Декабрь...». Начиная с пандемии индекс его цитирования взлетел резко вверх, а сам он сделался визитной карточкой Кузмина.⁸

Казалось бы, визитными карточками поэтов такого калибра, как Кузмин, литературоведение не разбрасывается. Но «Декабрь...» и тут исключение из правил. К 2025 году

³ Милашевский В. Вчера, позавчера: воспоминания художника. Л., 1972. С. 158.

⁴ Далее я буду опираться на интерпретацию «Меншикова в Березове» в книге В. С. Кеменова: Кеменов В. В. И. Суриков: Историческая живопись, 1870–1890. М., 1987. С. 231–298, — с разбором не только деталей и общей композиции, но также исторического контекста картины (к сожалению, подогнанного под политическую повестку) и литературного фона. Кеменов проследживает, как при помощи самых разных деталей включая интерьер избы, одежду, предметы религиозного быта Суриковым передано скатывание Меншикова с высот власти в ту простую среду, из которой он вышел, а западная — петровская — Россия противопоставлена допетровской Руси.

⁵ В описываемую эпоху фамилия Меншикова еще не подверглась унификации; так, в романе «Антихрист (Петр и Алексей)» Дмитрий Мережковский систематически писал ее с мягким знаком.

⁶ См.: Кузмин М. Собр. стихов. Т. 3. С. 720. В предшествовавшей «Декабрю...» монографии Максимилиана Волошина «Суриков» (1916) это полотно, называемое исключительно «Меньшиковым», тематизировалось так: «Меншиков в ссылке» (Волошин М. Суриков // Волошин М. Собр. соч.: В 13 т. М., 2005. Т. 3. С. 404).

⁷ См. комментарий Богомолова: Кузмин М. Стихотворения. С. 784.

⁸ Об этом можно судить по электронной публикации (Погорелая Е. Михаил Кузмин — главные стихи с комментариями // Prosodia.ru, 18.10.2024 (<https://prosodia.ru/catalog/shtudii/mikhail-kuzmin-glavnye-stikhi-s-kommentariyami/>), дата обращения: 31.10.2025); подробнее см. прим. 25), как и по тому, что в последнее десятилетие «Декабрь...» был дважды положен на музыку.

он удостоился беглых упоминаний в обзорных работах — очерках биографии и творчества Кузмина,⁹ стиховедческой работе, исследовании по интонации русского стиха и двух статьях об экфрасисе. Единственная заметка, посвященная его содержанию и композиции, И. Г. Кравцовой, — появилась на сайте музыкального альбома «Ключи от дома»,¹⁰ а не в бумажном издании.

Цель этого исследования — углубиться в смысл и поэтику «Декабря...». Для рассмотрения выбран до сих пор не замечавшийся ракурс.¹¹ В «Декабре...» развернут «петербургский текст», но не в качестве темы, ударно вынесенной на первый план, а в качестве матрицы, скрепляющей четыре темы: гражданскую (политическую), бытовую (разрешающуюся в «condition humaine»), религиозную и любовную.

В востребованной, а тем самым избитой области, каковой к 1920 году сделалась тема Петербурга, Кузмин в «Декабре...» делает принципиально новый шаг — дает «петербургскому тексту» заговорить голосом «бывшего», т. е. представителя цивилизации, отмеченной советской властью. Это обстоятельство, не высказанное напрямую, разыграно в рамках лирического сюжета. Не меняя своего status quo, лирическое «я» пребывает в ожидании либо перемены к лучшему, либо полной и окончательной катастрофы.

Обсуждение петербургскости «Декабря...» я начну немного издалека — с экфрасического преподнесения личного свидетельства о времени и о себе как сложившейся к 1920 году сигнатуры Кузмина.

К этому времени в поэтическом багаже Кузмина насчитывалось немало стихотворений, в которых каждодневность, интимность, исповедальность были «повенчаны» с известными произведениями искусства. За экфрасической поэтикой просматривается логика, характерная для поэтического мира Кузмина в целом: только Искусству по силам увековечить правду Жизни.

Когда в поэзии Кузмина Слово размыкается то в Музыку, то в Живопись, то в Архитектуру, а то сразу в несколько произведений невербальных искусств, возникает эффект интер- и полимедиальности. Хрестоматийный пример — «Из поднесенной некогда корзины...», 5-е стихотворение цикла, носящего «дневниковое» заглавие «Любовь этого лета».¹² Там описание лирическим «я» одного своего дня — дружеской пирушки и откладываемого свидания — идет под музыкальный аккомпанемент (арию Розины «Io sono docile, sono rispettosa...» из «Севильского цирюльника» и *Моцарта*). Пирушка, видимо, с приятелями из артистической среды, подсвечена живописью («далями Рафаэлева „Парнаса“» (с. 61)). Аналогичным образом в «Декабре...» *минутный дом*, т. е. петербургская квартира, получает в качестве интермедиального прототипа избу Меншиковых с картины Сурикова. Вовлекая этот образ в свой текст, Кузмин играет и на повышении, и на понижении: повышение — потому что Сурикова он ценил,¹³ а понижение — потому что городская квартира без тепла (дров) и с отключавшимся по вечерам и ночам

⁹ К биографии Кузмина Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада, существующей в разных редакциях и каждый раз с обсуждением «Декабря...» (см. англоязычную в прим. 11 и 54), недавно добавился монография А. С. Пахомовой, где «Декабрь...» тоже нашел свое место, см.: *Пахомова А. Непрошенный пришелец: Михаил Кузмин. От Серебряного века к неофициальной культуре*. М., 2025. С. 182, 231, 235–236, 458.

¹⁰ См.: *И. К.* [Кравцова И. Г.]. Михаил Кузмин // Ключи от дома. Музыкально-просветительский проект (<https://keystohome.world/kuzmin-tima>, дата обращения: 31.10.2025).

¹¹ Если не считать биографию Кузмина Дж. Малмстада и Н. А. Богомолова с беглым наблюдением, что «Декабрь...» «эмблематизирует судьбу города и поколения» (*Malmstad J., Bogomolov N. Mikhail Kuzmin: A Life in Art*. Cambridge, Mass.; London, 1999. P. 286; пер. мой. — Л. П.).

¹² Здесь и далее курсив мой. — Л. П.

¹³ Ср. дневниковые отчеты Кузмина о посещениях музеев от 8 марта 1923-го и 17 апреля 1924 года: *Кузмин М. Дневник 1917–1924: В 2 кн.* / Под общ. ред. А. Пахомовой. СПб., 2025. Кн. 2. С. 135, 276. Вопрос, как Кузмин познакомился с наследием Сурикова, нуждается в исследовании. Но наверняка свою роль сыграла среда «Мира искусства», к которой он принадлежал. Один из мирискусников, Александр Бенуа, в своей эпохальной книге «История русской живописи в XIX веке» (1901–1902) первым написал о «Меншикове в Березове» как о шедевре (сведения из: *Кеменов В. В. И. Суриков: Историческая живопись*. С. 282), назвав создателя этой картины «поэтом», гениальным ясновидцем, а в том, что касается характеров, особенно женских, — Достоевским от живописи, см.: *Бенуа А. История русской живописи в XIX веке*. М., 1995. С. 331, 334.

электричеством¹⁴ уподобляется жилищу сосланных в глухой уголок (городок и, конкретнее, тюремный острог) Тобольской провинции Сибирской губернии.

Присутствует в «Декабре...» и полимедиальность. Второй экфрасис, до сих пор не опознанный,¹⁵ — *златокованный Архангел* — флюгер на шпиле собора Петропавловской (Санкт-Петербургской, Петроградской) крепости, покровитель города и горожан.

Почему же выбор Кузмина пал на «Меншикова в Березове» и златокованного Архангела? Самый простой ответ — потому, что так в стихотворение вносится дыхание истории России, сведенной к истории Петербурга.

Возникает и другой вопрос: почему Березов назван, и даже дважды, а Петербург оставлен не поименованным? Неупоминание топонима «Петербург» / «Петроград» — минус-прием: прежде европеизированной северной столице, в 1920 году переживающей метаморфозу в Березов — место ссылки, оставленное если не Богом, то по крайней мере Архангелом-покровителем, (апостольское) имя Петра не к лицу. До Кузмина подобный риторический ход был сделан Михаилом Дмитриевым в славянофильском (и антипетербургском) стихотворении «Подводный город».¹⁶

В пользу того, что автор «Декабря...» совершает выход в «петербургский», а не какой-то иной семиотический текст, имеются и косвенные доводы. Уроженец Ярославля, к 1920 году Кузмин был петербуржцем со стажем, многожды писавшим о нем в самых разных жанрах.¹⁷ Далее, в «Декабре...» упоминается Меншиков, причем в момент, когда свой двадцатилетний пост первого генерал-губернатора Петербурга и статус второго лица в государстве при трех императорах ему пришлось сменить на положение ссыльного в тюремном остроге Березова. У другого исторического лица, появляющегося в стихотворении мельком, — Петра Николаевича Врангеля, из дворян Санкт-Петербургской губернии, инженера и военачальника, тоже были свои петербургские периоды, начиная с учебы в Горном институте. 16 ноября 1920 года Врангель и часть вверенной ему Белой армии после разгрома при Перекопе эвакуировалась из Крыма по Черному морю.¹⁸ Когда в пореволюционные годы советские писатели брались за изображение советского Петрограда, то подчеркнуто диссоциировали этот город с Врангелем;¹⁹ тот же эффект налицо в «Декабре...».

¹⁴ Жалобы на холод, отсутствие дров и электричества Кузмин регулярно заносил в свой пореволюционный дневник, см.: *Кузмин М. Дневник 1917–1924*. Кн. 1. С. 36 след.

¹⁵ В комментарии к «Декабрю...» Малмстада и Маркова высказывалось предположение, что «златокованный Архангел» — оклад иконы Архангела Михаила, т. е. покровителя поэта, см.: *Кузмин М. Собр. стихов*. Т. 3. С. 720. Аргумент «за» — полотно Сурикова, в правом верхнем углу которого помещены золотые оклады со световыми бликами от лампы. Но есть и два аргумента «против». Во-первых, взаимодействие между «я» и высшей силой в строфе IV, построенной как молитва, требует обращения не к украшению иконы, а к ней самой. Во-вторых, конкорданс к поэзии Кузмина (*Гик А. Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина: В 4 т. М., 2005–2015*), демонстрируя частотность *иконы* / *иконостаса*, знает *ризу* (ср.: «Вспыхнет на ризах золото», с. 95), но не знает *оклада*.

¹⁶ Цитату см. в прим. 56. Пример работы с именами северной столицы содержится и в «Петрограде» Гиппиус: «Кто посягнул на детище Петрово? / Кто совершенное деянье рук / Смел оскорбить, отняв хотя бы слово, / Смел изменить хотя бединый звук? / <...> / Чему бездарное в вас сердце радо? / Славянщине убогой? Иль тому, / Что к „Петрограду“ рифм грядущих стадо / Крикливо льнет, как будто к своему?» (*Гиппиус З. Стихотворения* / Сост., подг. текста и прим. А. В. Лаврова. СПб., 1999. С. 206–207). Финальное слово этого стихотворения, которое все время направлялось, но не произносилось, — «Петербург». Кстати, в духе Гиппиус, в 1914 году протестовавшей против переименования *Петербурга* в славянизированный *Петроград* (что, в свою очередь, было результатом антинемецких настроений, захлестнувших Россию в Первую мировую), Кузмин написал филиппику против переименования *России* в *СССР* (ср. «Не губернаторша сидела с офицером...» (1924) и, конкретно, разговор Богородицы с Архангелом Михаилом: «Уж, право, я, Михайлушка, не знаю, / Что и подумать. Неудобно слуху. / Неназаченной быть страна не может» (с. 666–667)).

¹⁷ См. обзорную статью: *Топоров В. Н. К «петербургскому» локусу Кузмина* // Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избр. труды. СПб., 2003. С. 550–555.

¹⁸ Дневниковая запись Кузмина от 18 ноября 1920 года: «Все приуныли от Врангеля. Комиссары едут сюда» (*Кузмин М. Дневник 1917–1924*. Кн. 1. С. 247) — уже ставилась в связь с «Декабрем...», см.: Там же. С. 460 (комм. А. С. Пахомовой).

¹⁹ Примеры из советской литературы см. в прим. 72–74, сейчас же упомяну Георгия Иванова, в юности принадлежавшего к кругу Кузмина. В стихотворении Иванова «Бредет старик на

Понятие «петербургского текста» было введено В. Н. Топоровым. Его исследование «Петербургский текст русской литературы» (1971, 1993) открывается историко-софским соображением: Петербург принадлежит «к числу тех сверхнасыщенных реальностей, которые <...> неотделимы от <...> символического <...>, где разыгрывается основная тема жизни и смерти и формируются <...> пути к обновлению и вечной жизни <...> Петербургский текст <...> сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата».²⁰

Дальше прослеживаются две мифологемы — возникновение Петербурга ex nihilo и его внезапный конец, в самой распространенной версии — от нахлынувшей водной стихии. В пару к первой мифологеме поставлен аполлонизм, а ко второй — дионисийство. Получившейся сеткой координат определяется особая — лиминальная — condition humaine, остро переживаемая персонажами «петербургского текста», ср.: «В Петербургском тексте <...> отражена квинтэссенция жизни в „лиминальном“ состоянии, на краю, над бездной, на грани смерти».²¹ «Петербургский текст» не представим также без «пророчества на тему русской истории, рассматриваемой sub specie Петербурга».²²

По всем перечисленным параметрам «Декабрь...» — идеальное воплощение «петербургского текста», однако в посвященных северной столице статьях, книгах, антологиях он блистает своим отсутствием. Топоров не упомянул «Декабрь...» не только в исследовании «петербургского текста»,²³ но и в специальной статье «К „петербургскому“ локусу Кузмина» (1989). Отсутствует «Декабрь...» и в «Душе Петербурга» Николая Анциферова, хотя отдельные отсылки к Кузмину там есть. Ни в каком качестве Кузмин не появляется в «Ленинградском Петербурге в русской поэзии и прозе» Бориса Филиппова (1973, 2-е изд. — 1974). А в пяти просмотренных антологиях с широким охватом петербургской темы в русской поэзии Кузмин представлен иными стихотворениями, нежели «Декабрь...».²⁴

Пора исправить эту досадную несправедливость.

1. Экфрасисы — окно в «петербургский текст»

1.1. Метаморфоза «Петербург → Березов»

Глубинный троп «Декабря...», вынесенный в заглавие этого подраздела, для «петербургского текста» беспрецедентен. На двух петербуржцев, переживающих военный коммунизм во всей его остроте, спроецирована ситуация первого генерал-губернатора

рыбный рынок...», по-эмигрантски заряженном ностальгией, применен ход, обратный к диссоциации Врангеля и Петербурга. Старик, бредущий на рынок, напоминает брата знаменитого Врангеля — Николая Николаевича, петербургского искусствоведа, а дальше так: «Но Врангель, это в Петрограде, / Стихи, шампанское, снега...» (Иванов Г. Стихотворения / Вступ. статья, сост., прим. А. Арьева. СПб., 2010. С. 314 (сер. «Новая библиотека поэта»)).

²⁰ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. С. 7.

²¹ Там же. С. 65.

²² Там же.

²³ Кузмин в этом исследовании ни в коем случае не забыт, но его затмевают Белый, Мережковский, Гиппиус, Блок.

²⁴ Это «Я тихо от тебя иду...» и «Конец второго тома» (Антология Петербургской поэзии эпохи акмеизма / Ed. by George Ivask and H. W. Tjalsma. München, 1973. С. 47–58); «Ветер с моря тучи гонит...» (Петербург — Петроград — Ленинград в русской поэзии / Сост. К. Афанасьева и др. Л., 1975. С. 201; Петербург в русской поэзии (XVIII — начало XX века): Поэтическая антология / Сост., автор вступ. статьи и комм. М. Отрадин. Л., 1988. С. 274); «Ветер с моря тучи гонит...», «Вина весеннего иголки...», «Русская революция», «Волынский полк», «Утраченного чародейства...» и «Сколько лет тебе, скажи, Психея?..» (Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград в русской поэзии. Антология / Сост., предисловие, комм. М. Синельникова. СПб., 1999. С. 269, 320–322, 456–457); «Вина весеннего иголки...», «Волынский полк», «Утраченного чародейства...» и «Ветер с моря тучи гонит...» (Образ Петербурга в поэзии / Сост. Т. Дубровиной. СПб., 2008. С. 190, 284–285, 307).

Петербурга, разжалованного из всех чинов и сосланного в березовский острог.²⁵ Оставаясь — физически, географически — в своем городе, лирическое «мы» испытывает поражение в правах, сопоставимое с меншиковским.

Для передачи этого смысла Кузмин прибегает к политической метафоре ссылки, тогда как окружавшей его пореволюционной культурой было пущено в ход субстантивированное причастие / прилагательное «бывший»,²⁶ наследник фр. *ci-devant*, лексической отсылки Французской революции. В дневник от 23 июля 1924 года Кузмин заносит это уничижительное слово: «Юр. бранился, что ему стыдно ходить со мною, как с „бывшим“ человеком, „выжившим“ и т. д.».²⁷ Но такие речи «Юр.» — Юрий Юркун будет позволять себе после 1920 года. Во время написания стихотворения у Кузмина имелись все основания причислить и себя, и Юркуна, отсидевшего в большевистской тюрьме с 31 августа по 23 ноября 1918 года и выпущенного благодаря его ходатайству, к подлежащим «отмене», очевидно, как не вписавшимся в формирующуюся социальную структуру. Советская иерархия признавала всего два класса — пролетариат и крестьянство, а в качестве прослойки — ту часть интеллигенции, которая действовала заодно с большевиками и к которой Кузмин сознательно выбрал не принадлежать.

Поскольку «бывшим» осмысленная деятельность не положена, лирическое «мы» «Декабря...» занято тем, что «тупо»²⁸ проживает протекающие дни. Двое персонажей стараются не погибнуть в нечеловеческих, почти что ссыльных, условиях, в которые их поставил суровый советский Петроград 1920 года (а судя по дневнику Кузмина, и предшествующие зимы — 1917, 1918, 1919 годов).

На такое понимание «Декабря...» настраивает рассказ «Машин рай». Исполняя каприз жены Маши, мечтающей вернуться в родительское имение (в Данилове Ярославской губернии), а тем самым и в свое райское детство, герой-петербуржец готовится покинуть столицу, но испытывает страх перед захолустьем. Герой опасается, что там придется провести как минимум отпуск, а как максимум всю оставшуюся жизнь. Тут-то ему и приходит на память «Меньшиков в ссылке». Заметим, что если в «Машинном рае» топоним «Березов» замещен «ссылкой» и, следовательно, равноценен ей, то в «Декабре...» эти слова становятся окказиональными синонимами. Более того, противопоставление петербургской жизни и «березовщины», в «Машинном рае» разыгранное на уровне страхов, в «Декабре...» превращается в глубинный разветвленный троп, структурирующий все повествование вплоть до стилистики.

На поверхность текста метаморфоза Петербурга в Березов выходит в виде сравнения «мы как Меньшиков в Березове». А под сурдинку проигрывается противопоставление «до vs. после»: «до» — полнота жизни, «после» — закоснение в бесправии, бытовых и экзистенциальных тяготах, наконец, в ожидании неизвестно какого будущего.

²⁵ Путаницу в вопрос о том, какая ссылка имеется в виду, внес названный выше электронный очерк Елены Погорелой, где упомянуто, наряду с меншиковским Березовым, и первая эмиграция (см.: Погорелая Е. Михаил Кузмин — главные стихи с комментариями. С. 8). Что касается эмиграции, то в 1917–1920 годах, т. е. до «философских пароходов», отъезды осуществлялись по большей части добровольно (случай, обратный меншиковскому). В придачу к политической свободе уехавшие получали нищенское существование. Кузмин, активно переписывавшийся с границей, был в курсе эмигрантской жизни, но для комментирования «Декабря...» приводимые Погорелой сведения — лишние. В стихотворении Кузмина звучит удрученность собственной бедственной ситуацией, в духе дневниковой записи от 12 сентября 1924 года: «Я думаю, что невзгоды наши вот от чего. Мы как на каторге. Отделены от внешнего мира, все не настоящее, у всех мечта освобождения и тяжесть нависшая. Иначе бы мы умерли» (Кузмин М. Дневник 1917–1924. Кн. 2. С. 328). В «Декабре...» соответствующий смысл закреплен существительным *ссылка*, означающим насильственное перемещение как репрессивную меру со стороны государства. (Уточнения заслуживает и то, кто первым произнес «Я / мы не в изгнании, я / мы — в посланьи»: Гиппиус, как ошибочно предполагает Погорелая, или все-таки Нина Берберова?)

²⁶ Ср. в поэме «Хорошо!» изображение революционного Петрограда, из которого «улепетывал бывший» (Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 8. С. 254).

²⁷ Кузмин М. Дневник 1917–1924. Кн. 2. С. 311.

²⁸ Ср. в «Ангеле благовещающем», где тупость («Туп ум» (с. 639)) — особенность ментального состояния лирического «я» в условиях репрессий военного коммунизма.

Чтобы связка двух *М*-субъектов — «мы» и «Меншикова» — не прошла незамеченной, Кузмин придал стихотворению мощную оркестровку на *М*. Большинство участвующих в ней слов либо начинаются, либо заканчиваются буквой (звуком) *М*, т. е. предоставляют этой букве отмеченную позицию:

I: морозит... розовом / мрачнеет дом / мы ... Меншиков / читаем ... ждем

II: ждем ... самим

III: златокованном / млеют

IV: нам / милых

V: меня

VI: мы / моя / струями нежными... пыльными

VII: минутный дом / мы ... Меншиков / читаем ... ждем.

Последняя буква стихотворения — опять *М*.

Изображая приобретение Петербургом свойств «березовщины», Кузмин подчеркнуто отходит от сложившейся (после)пушкинской традиции: описывать северную столицу как «окно в Европу». Вообще, в «Декабре...» Петербург переживает разворот с Запада на Восток. Геополитическое противостояние Запада и Востока в «петербургском тексте» эпохи Серебряного века сделалось общеобязательным — вспомним хотя бы два знаковых «Петербургa», роман Андрея Белого и стихотворение Валерия Брюсова.²⁹ Разыгрывая ту же геополитическую карту, Кузмин привлекает суриковское полотно, на котором быт семейства Меншиковых во всей архаичной — допетровской, дозападной, а заодно и крестьянской — русскости передан, если воспользоваться фразой Владимира Маяковского, весомо, грубо, зримо.

1.2. Еще раз о полотне Сурикова

Итак, первый — давно опознанный в «Декабре...», но все еще недостаточно проанализированный³⁰ — экфрасис воспроизводит «Меншикова в Березове» (1883). Перекличка с этой жемчужиной исторической живописи актуализирована двукратно появляющимся словосочетанием «Меншиков в Березове», вокруг которого Кузмин создал эффектное композиционное кольцо.³¹ Первая и последняя строфы «Декабря...» вторят друг другу, так что «меншиковско-березовские» полустиишия обеих строф образуют тавтологию. Но их сходство, как подметила еще С. Ю. Корниенко, не полное, поскольку в строфе I параллелизм лирического «мы» и опального Меншикова вводится сопоставительно-противительным союзом *а*, в последней же — присоединительным союзом *и*.³²

При тавтологичности начала и конца стихотворения композиционным кольцом транслировалась бы безнадежность, как в петербургском стихотворении «Ночь, улица, фонарь, аптека...». У Александра Блока композиционное кольцо обнимает в том числе постулат «Исхода нет»³³ — претекст кузминского «Это навсегда!». Произведен-

²⁹ Ср. о деяниях Петра I: «Он повернул лицом к Европе / Русь, что смотрела на Восток; / Сковал седым гранитом реки, / Возвысил золоченый шпиль, / Чтoб в ясной мгле, как призрак некий, / Гласил он будущую быль» (Брюсов В. Избр. соч.: в 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 361).

³⁰ Согласно работе И. А. Сухановой (Суханова И. Особенности интермедийных связей в стихотворных текстах М. Кузмина // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 9), «суриковские» строки «Декабря...» — пример того, что в поэзии Кузмина произведение изобразительного искусства передается в технике частичного («парциального») экфрасиса (о том, что в «Декабре...» техника экфрасиса иная, см. ниже). В свою очередь, Т. В. Зверева рассматривает «Декабрь...» как первое звено в потоке модернистских / советских поэтических откликов на живопись Сурикова (Зверева Т. Суриковский след в русской поэзии XX века // Филологический класс. 2018. № 1. С. 95–96).

³¹ Зверева Т. Суриковский след в русской поэзии XX века. С. 96.

³² Корниенко С. Михаил Кузмин // Русская литература 1920–1930-х годов: В 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 196.

³³ Блок А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 23.

ная в «Декабре...» замена *a* на *и* — пусть слабое, но утверждение надежды над полной безнадежностью, нагнетавшейся в строфах I–V.

Обсуждаемым экфрасисом решается и побочная задача: договорить то, что в тексте стихотворения осталось не договоренным. И действительно, о смене правителей, собственном житье-бытье в нетопленном, холодном, мрачном — без электрического света — доме, безнадежности, трудном времени, коротаемом за чтением религиозных книг, лирический герой Кузмина поведал в поэтике метонимии и синекдохи. Экфрастическое искусство Кузмина, таким образом, состоит в том, чтобы незаметно вплести суриковские мотивы в лирический сюжет «Декабря...». Экономия средств, ведущая к умножению смыслов, — примета истинного шедевра.

Список восходящих к Сурикову деталей «Декабря...» не был до сих пор идентифицирован полностью. Прецедент строки «нетопленный мрачнее дом» — обстановка в березовской избе Меншикова, тоже в холодное время года (согласно В. С. Кеменову, стоят крещенские морозы³⁴). Вступают в переключку с Суриковым также троп «пробывание в своем городе как в ссылке» и мотив упадка духа, ср. на картине взгляд в никуда трех персонажей картины — самого Меншикова, его старшей дочери Марии (невесты Петра II, которой предназначалась роль императрицы, но которая, не вынеся тягот ссылки, там и погибнет) и сына Александра. «Огни» на «златокованном Архангеле» — напоминание о том, что в правом верхнем углу суриковского полотна лампада отбрасывает ответ на золотые оклады икон. Еще одно цветовое решение «Декабря...», сориентированное на полотно Сурикова, — строка «Окрашивает щеки розово». На щеках младшей дочери Меншикова Александры, в отличие от бледных сестры и брата и серого лица отца, играет румянец.³⁵ Сказывается благотворность чтения — любимая тема Кузмина.

Судя по «Благовещенью» — стихотворному экфрасису, воспроизводящему итальянский канон «Дева Мария с книгой и Архангел Гавриил», — Кузмина волновал вопрос «Какую книгу Ты читала <...>?» (с. 224).³⁶ Согласно Кеменову, у Сурикова книга, лежащая перед Александрой, — манускрипт религиозного содержания, «Библия или Евангелие»;³⁷ Александра читает эту книгу вслух, но ее никто не слушает, потому что ее близкие погружены в тяжелые думы. Аналогичным образом кузминское «читаем Библию» предполагает совместное чтение вслух. Вечерние чтения, чаще — светской литературы, реже — религиозной описаны Кузминым в дневниках, очевидно, как важная составляющая в его распорядке дня.

Чтобы мотив чтения, проведенный через весь «Декабрь...», охватить во всей целостности, нам остается обратиться к строфе IV «Декабря...», где он переформулирован так: «И милых книг святое чтение». С одной стороны, «милые книги» — едва ли допустимое описание Священного Писания. С другой, «святой» наследует семантику *Библии*, а рус. «книги» служат аналогом др.-греч. (*τα*) *βιβλία*, от которых Ветхий Завет и Новый Завет получили общее название.

1.3. (Арх)ангел-флюгер Петропавловского собора

Второй экфрасис — скульптурный и вдобавок с градостроительными коннотациями — выполнен в той же поэтике, что и экфрасис «Меншикова в Березове». Вместо

³⁴ Кеменов В. В. И. Суриков: Историческая живопись. С. 260.

³⁵ Александра сидит от семьи в отдалении — на углу стола, ближе к лампаде и на фоне крошечного окна, еще одного источника света. Кстати, со светом на картине (как и в домашнем интерьере «Декабря...») дела плохи: находящаяся в центре свеча потушена, символизируя (в духе сцены самоубийства в «Анне Карениной») закат жизни.

³⁶ Эта формулировка пришла в «Благовещенье» из прославленного монолога Франчески да Римини в песни 5 «Божественной комедии». О стихотворении как экфрасисе, вступившем в переключку даже не с одной, а двумя дантовскими песнями, см.: Панова Л. *Итальянцы, русцы: Данте и Петрарка в литературном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама*. М., 2019. С. 138–173.

³⁷ Кеменов В. В. И. Суриков: Историческая живопись. С. 261.

того, чтобы, назвав предмет визуального искусства, заняться его пересказом (как в «Благовещении»), Кузмин расчленяет артефакт на детали, каковые сливает с лирическим сюжетом до неразличимости.

Чтобы продемонстрировать примененную в «Декабре...» технику экфрасиса, я начну с реального комментария к златокованному Архангелу, перемежая его стилистическими наблюдениями.

Кафедральный собор во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, с 1858 года называемый Петропавловским, а также его шпиль и Архангел-флюгер на этом шпиле с 29 июня 1703 года, когда была заложена деревянная церковь, имеют свою историю.³⁸

Архангел был задуман итальянцем Доменико Трезини — архитектором первого каменного собора внутри Петропавловской крепости (1712–1733),³⁹ — по образу и подобию «голландского» летящего ангела с ратуши Маастрихта. И к собору, и к его шпилю с Архангелом, причем не только первому, но и второму, природные стихии были немилосердны. Просчеты в конструкции принял во внимание Антонио Ринальди, взявшийся за третью по счету фигуру Архангела (1778; медный лист, золочение). Прежде всего, флюгер стал менее тяжелым. Изменилась и поза: летящий у Трезини, у Ринальди Архангел взмывает ввысь, держась одной рукой за шпиль (при помощи флюгерного крепления), другую же простирая в небо.

Кузмин видел, как и мы сегодня, четвертую фигуру Архангела — скорее всего, повторение ринальдиевской.⁴⁰ Известно, что флюгерное крепление для нее было изобретением инженера Дмитрия Журавского.

В XIX — начале XX века в Петербурге существовало три знаковых (арх)ангела, расположенных высоко над землей: помимо «золотого» на Петропавловском соборе — «бронзовый» Ангел на Александровской колонне и «серебряный» Ангел на куполе храма Святой великомученицы Екатерины на Васильевском острове⁴¹ (по Васильевскому острову Кузмин ностальгировал, поскольку там прошла его юность). Появляющийся в «Декабре...» эпитет «златокованный» выполняет, таким образом, смысловозначительную функцию, указывая, которая из трех достопримечательностей имела в виду.

Вместе с этим прилагательным в «Декабрь...» проникают и градостроительные коннотации. Дело в том, что «златокованный», ныне вышедший из активного употребления, принадлежал к ремесленной терминологии и обозначал либо ковку как способ изготовления чего-то золотого, либо покрытие объекта позолотой. Благодаря этому вводится, но тонким намеком, присущий «петербургскому тексту» мотив «de origine» — возникновение северной столицы.

Можно представить себе и более длинную ассоциативную цепочку, от Архангела тянущуюся к основанию Петербурга. Кафедральный собор с Архангелом на шпиле находится в Петропавловской крепости; крепость была построена на Заячьем острове,

³⁸ См.: Гендриков В. Петропавловская крепость. Факты, гипотезы, легенды. М.; СПб., 2011. С. 56–77; здесь и дальше на эту главу я буду опираться без специальных ссылок.

³⁹ Это обстоятельство нашло отражение в лирике Бенедикта Лившица. В опубликованном при жизни поэта стихотворении «Под уклон» (1915) появлялись «бастионы» и «трезиниевский шпиль» (Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: стихотворения, переводы, воспоминания / Сост. Е. Лившиц и П. Нерлера. Л., 1989. С. 80), а в непубликовавшемся «Вступлении» («Когда бы бритом или галлом...», 1918) есть такие строки: «Шпилем стремительным Трезини / Пронзил мне сердце заодно». Последнее стихотворение Лившица интересно и тем, что в нем взятие столицы большевиками уподоблено нашествию на Римскую империю бриттов и галлов. Поначалу ассоциируя себя с воинственными варварами, лирический герой в финале называет их «чернию», чтобы бросить им вызов: «Пред чернию пою, не дрогнув, / Императорский Петроград» (Там же. С. 122).

⁴⁰ Существует легенда, что последний по времени Архангел был выполнен по рисунку скульптора Роберта Залемана.

⁴¹ См. гл. «Петербургские ангелы» в кн.: Коршунов Н. Таинственный Петербург: Ожившие легенды и непостижимые тайны города на Неве. М., 2024. С. 99–111.

и именно с нее началась северная столица. Один из бастионов крепости на определенных отрезках времени носил имя Меншикова.

«Златокованный» — во всех отношениях отмеченное слово. Наряду с «беззаконницей» (V.3) оно — самое длинное, в пять слогов. А наряду с «небосклоном» состоит из двух корней: церковнославянизма *злат-* + *кова-*. Благодаря такой структуре «златокованный» стилистически «подстаривает» строку III.3. Будучи эпитетом к существительному «Архангел», тоже со сложной морфологией (др.-греч. *ἀρχι-* (главный) + *ἄγγελος* (вестник)), «златокованный» выглядит этаким гомеровским эпитетом (типа «шлемоблещущего Гектора» в переводе «Илиады»). Отражая прошлое русского языка (ср. «Слово о полку Игореве», где «златокованный» служил характеристикой престола Ярослава Владимировича Осмомысла), оно отдает эхом прошлого Петербурга, для воспевания которого XVIII век использовал поэтику возвышенного, включая кальки с древних языков.

Золото традиционно шло на изготовление предметов религиозного культа, и, следовательно, эпитет «златокованный» открывает дорогу для интерпретации Архангела как религиозного символа. В петербургскую мифологию Архангел-флюгер с взнесенной ввысь шуйцей вошел небесным покровителем города и горожан. В строфе IV «Декабря...», представляющей собой молитву, называть ту высшую силу, к которой она обращена, Кузмин не стал, но, учитывая два обстоятельства — уже появившегося в III «Архангела» и общий принцип экономии средств, — естественно предположить, что адресатом молитвы мыслился Архангел.

Тот факт, что Архангел изображается Кузминым на фоне неб(осклон)а, значим не только в религиозном, но и в пейзажном отношении.

Говоря о пейзаже, вплоть до XXI века Петропавловский собор был самым высоким зданием города. Его шпиль участвовал в формировании сигнатурной линии горизонта Петербурга.

Для религиозного осмысления «Декабря...» существенно, что небо(склон), как и Архангел, изображен одновременно посю- и потусторонним. В посюсторонней перспективе «златокованный Архангел» — артефакт и часть пейзажа, а в потусторонней — высшая сила, отвечающая за судьбу петербуржцев. Теми же ассоциациями овеяны его соседи по небу — солнце и звезда. В «Декабре...» слово «солнце» отсутствует (экономия средств!), однако и розовый цвет неба, и огни, ластящиеся к «златокованному Архангелу», являются его эманациями. В пользу предлагаемого прочтения приведу цикл «Зимнее солнце», с описаниями зимне-предвесеннего Петербурга. Там солнцем вносится, причем и в спальню, и в городской пейзаж, розовость, ср. «Кого прославию в тихом гимне я?...»: «Цветет на ложе / Нежданной *розы* полоса / <...> Пышной авроры / Твои уборы, / О *солнце* знойное зимы!» (с. 154–155). Что касается звезды, то в этом образе, как и в Архангеле, соединено земное и небесное. Контекстуальными синонимами «(Арх)ангел» и «звезда» становятся и благодаря единой миссии — определять судьбу, счастье, жизненный путь человека,⁴² к чему мы еще вернемся.

В связи с небесно-потусторонним положением, приданном в «Декабре...» Архангелу, уместно привести дневниковые записи Кузмина от 24 марта и 6 июля 1920 года антисоветской направленности, находящей выход в скатологических ругательствах. Зримый мир делится на землю, уже «засранную большевиками»,⁴³ и «небо, <...> солнце, луну и звезды»,⁴⁴ до которых большевики пока не добрались. Вандализация Петропавловской крепости, служившей усыпальницей Романовых, в первые годы советской власти шла полным ходом. С 1919 года Петропавловский собор был закрыт (а специально пристроенная к нему царская усыпальница фактически разграблена); в 1923–1924 годах он музеефицировался. Что касается Архангела, то располагаясь высоко —

⁴² У Кузмина Архангел Михаил решает судьбу как грешников в Аду («Хожение Богородицы по мукам»), так и СССР — антигуманного государства, вдобавок сменившего свое подлинное имя на аббревиатуру (см. «Не губернаторша сидела с офицером...» в прим. 16).

⁴³ Кузмин М. Дневник 1917–1924. Кн. 1. С. 184.

⁴⁴ Там же. С. 211.

практически на небе, он был трудно достигаем. Желание заменить фигуру Архангела, т. е. христианский символ, красной звездой в советское время обсуждалось, но дальше этого дело не пошло. Борьба большевиков с религией больно ударила по Кузмину — верующему, заносившему молитвы в дневник, а по большим праздникам посещавшему церковную службу.

Посвященная Петербургу художественная литература, изобиловавшая такими образами, как Александровская колонна и ее ангел, Медный всадник, игла Адмиралтейства, Исаакиевский собор, сфинксы и т. д., Архангела не знала. Самое близкое приближение к нему — «шпиль» / «шпиц» Петропавловского собора.⁴⁵ Кузмину предстояло самому найти такие лексические средства, чтобы этот городской символ мог быть опознан.

Современники Кузмина, которых этот образ тоже привлек, но за исключением Блока — автора неоконченного «Возмездия», уже после написания «Декабря...», использовали либо (редко) «Архангела» (ср. «Душу Петербурга» Анциферова: «...стены мрачной крепости, над которыми вознеслась сверкающая игла, увенчанная *Архангелом*»),⁴⁶ либо (преимущественно) «ангела», ср.:

— Блок в неоконченном «Возмездии»: «Провидел ты (Петербург. — Л. П.) всю даль, как *ангел* / На шпиле крепостном...»⁴⁷;

— Борис Пильняк в посвященном Блоку рассказе «Санкт-Питер-Бурх» (1921, сб. «Повесть Петербургская», опубли. 1922): «...над туманом — *апельсиновой корки цвета* — меркнул закат, и в тумане, в желтом закате плавал на шпиге над крепостью — черт — *ангел* — монах, похожий на черную страшную *птицу*»;⁴⁸

— Владислав Ходасевич о снимке Петербурга в «Соррентинских фотографиях» (1926): «В ноябрьской утренней заре, / *На восьмигранном острие*, / *Золотокрылый ангел розов* / И неподвижен — а над ним / Вороньи стаи, дым морозов, / Давно рассеявшийся дым»;⁴⁹

— Михаил Фроман в стихотворении «Под бунтарскою эгидой...» (1928): «Схоластической загадкой / Дремлет *ангел* на игле».⁵⁰

А возникают ли в «Декабре...» ассоциации с Петропавловской крепостью как русской Бастилией? С одной стороны, в тех немногочисленных случаях, когда Петропавловская крепость появлялась в «петербургских» стихотворениях XIX–XX веков, она символизировала тюрьму и — шире — репрессивное государство, ср. в особенности «Песнь узника».⁵¹ Дань этой парадигме отдал и Кузмин, ср. мотив молвы о событиях февраля 1917 года в «Русской революции»: «Вести всё радостней, как стая голубей... / „*Взята Крепость*... Адмиралтейство пало!“ / Небо всё яснее, всё голубей, / Как будто Пасха в посту настала» (с. 631). Нельзя не учесть и еще три обстоятельства. Березов как место ссылки Меншикова был тюремным острогом, и этот образ накладывается на тюрьму внутри Петропавловской крепости. Первое слово стихотворения — «декабрь», возможно, ассоциативно вовлекает в повествование и печальную участь декабристов (ср. «Песнь узника»). Наконец, в годы красного террора (1917–1921) у северных стен Петропавловской крепости устраивались расстрелы заложников (начиная с великих князей Романовых), и туда же для захоронения свозили тела «бывших», убитых в других местах. Такое решение представляло для новой власти определенное удобство, по-

⁴⁵ Ср. пейзаж с петербургским сигнатурным шпилем из дореволюционного стихотворения Г. Иванова «Веселый ветер гонит лед...»: «И все светлее *тонкий шпиц* / Над дымно-розовой *Невой*» (Иванов Г. Стихотворения. С. 167).

⁴⁶ Анциферов Н. Душа Петербурга. Пб., 1922. С. 20.

⁴⁷ Этот фрагмент был опубликован в 1918 году, цит. по: Блок А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 47.

⁴⁸ Пильняк Б. Собр. соч.: В 6 т. М., 2003. Т. 1. С. 406.

⁴⁹ Ходасевич Вл. Собр. соч.: В 8 т. М., 2009. Т. 1. С. 177–178.

⁵⁰ Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград в русской поэзии. С. 447.

⁵¹ «Песнь узника» стала печататься под именем своего автора — поэта-декабриста Федора Глинки — только с 1939 года. Существовала «Песнь...» еще и как песня.

тому что в декабре 1917 года тюрьма Трубецкого бастиона была передана ВЧК / ОГПУ. (Ныне проводятся археологические раскопки того, что получило название «некрополя красного террора», но до восстановления полной картины еще очень далеко.) С другой стороны, повинен ли «златокованный Архангел» в том, что парит над тюрьмой и расстрельным полигоном?

Попробуем теперь вычленивать из «Декабря...» собственно экфрасис Петропавловского Архангела. Самый первый атрибут этого артефакта — «спасительная рука» — появляется в строфе II. В III «златокованный Архангел» представлен в немеркнувшей славе — золотым и в солнечной подсветке. Строфа IV — молитвенная просьба о качествах, необходимых для петербургского житья, и о неизменности небосклона, адресована, согласно высказанным выше доводам, Архангелу. В V Архангел показан готовящимся не только потерять ту позу — взнесенность ввысь, которую ему придал Ринальди, — но и быть разжалованным из «Архангелов» в «ангелы». Причина его понижения в ранге может быть осмыслена так: свое предназначение — служить «спасительной рукой» для Петербурга и петербуржцев — он более не выполняет. Не исключено, что в обсуждаемом пассаже получила косвенное отражение поза склонившегося «бронзового» Ангела Александровской колонны, полюбившегося русским поэтам.

На уровне стилистики и мотивов (Арх)ангел, звезда, небо описываются в единой сетке координат. Прежде всего, Кузмин постулирует нормальное положение дел — верх должен оставаться верхом, а низ — низом. Однако чем дальше по тексту стихотворения, тем сильнее эта норма нарушается: в «небесных» пассажах строф I.1, IV.4, V.1–3 «небо» переназывается, становясь «небосклоном», затем от «небосклона» отделяется корень *склон-*, дающий предикат «склõнится» для ангела; в свою очередь, «склонится» передает заключенную в нем энергию падения предикату «упадет» для звезды.

Кузмин не упускает ни малейшей возможности и для наведения параллелизма между (Арх)ангелом и звездой. Помимо рассмотренных предикатов «склонится» / «упадет» на их уравнивание работают и совсем мелкие стилистические штрихи. Существительное «беззаконница» — такой же длины, как «златокованный»; по линии словообразования «беззаконница» — приставка *без-* + корень *закон-* — переключается с тоже сложным словообразованием *Арх-ангела*.⁵²

Но главное, конечно, — бытование этих образов в персональной мифологии Кузмина. Назначение как звезды, так и ангела-хранителя состоит в том, чтобы быть благи́ми водителями человека. В «Декабре...» падение звезды однозначно прочитывается как смертный приговор, и те же ассоциации навешиваются ангелом. И. А. Сухановой, автору статьи о разных типах экфрасисов Кузмина, склонившийся и заплаканный ангел «Декабря...» напомнил тип ангела с надгробного памятника.⁵³ А еще в строфе V намечается смена времени суток: на место розового неба (I.1) и солнечных бликов на Архангеле-флюгере (III.3–4) заступает звезда, символизирующая наступление ночи, в том числе и вечной.

За страхами лирического героя, что небесный верх вот-вот упадет на землю и станет низом, просматривается апокалиптический сценарий. Прежде чем перейти к нему, отмечу, что поскольку эсхатологичность доминирует в V, то этим мотив безнадежности, развивавшийся с первых строк «Декабря...», доводится до логического предела. Дальше, чем апокалипсис, ему развиваться просто некуда.

⁵² В лирике Кузмина мотив беззаконности падения появляется впервые в стихотворении «Я цветы собираю пестрые...»: «Пала, пала *беззаконница*» (с. 100). Другой казус — гностическое стихотворение «София», где падению Софии из Плеромы вниз, туда, где вследствие этого возникнет земной мир, предшествует прямая речь героини: «Говорила: „*Беззаконно / Заковать законом душу*“» (с. 437), само же падение поставлено в связь с прилагательным «златокованный»: «*Расковались, обрвались / Златокованны цепочки...*» (с. 437).

⁵³ Суханова И. Особенности интермедийных связей в стихотворных текстах М. Кузмина. С. 10.

2. Петербургский апокалипсис in potentia

2.1. «Декабрь...» и «Откровение Иоанна Богослова»

Транслируемый «Декабрем...» апокалиптический сценарий ранее не замечался, поэтому я начну с образности и поэтики, которыми наводятся ассоциации такого рода. Это:

1) слова — «ангел», «звезда», «огни», «книги», «Библия»;

2) небесные мотивы — изменения, могущие произойти с «небосклоном», и падение звезд;

3) изображение то внешнего пейзажа, то интерьера, с приданием последнему то ли изысканного (как у Меншикова в Березове), то ли пещерного — без света и тепла — вида;⁵⁴

4) аура неотвратимости надвигающейся на город катастрофы, а также намеки на саму катастрофу;

5) и наконец, грамматика будущего времени для обрисовки апокалиптического катаклизма.

Если Библию, читаемую лирическим «мы» «Декабря...», раскрыть на «Откровении Иоанна Богослова», то в главе 5 мы найдем видение книги (*βιβλίον*), точнее — свитка, запечатанного семью печатями, и Ангела. В главе 6: 13 со свитка снимаются печати, причем снятие шестой провоцирует землетрясение со следующим результатом: «звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои», «небо скрылось, свившись как свиток», и людям всех сословий остается одно — «скрыться в пещеры». Таким предполагается день гнева. Соответственно, произносимая в «Декабре...» молитва о неизменности небосклона имеет в виду только что указанный библейский прецедент: апокалиптическую небесную твердь, свернувшуюся свитком, т. е. переставшую быть небом. А падающей звезде Кузмин дает проделать ту же траекторию, что проделали небесные звезды «Откровения». Позволительно думать, что лирическое «мы» «Декабря...» пребывает в становящемся все более мрачном доме (как бы пещере), тогда как типичное времяпровождение «я» и «ты» в поэзии Кузмина на петербургскую тему — гулять в свое удовольствие по городским улицам и площадям.

В «Откровении» многочисленные ангелы делятся на положительных (благих) и отрицательных. Так, глава 6 — видение «четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое дерево». В главе 7 «иной Ангел, восходящий от востока солнца и имеющий печать Бога живаго», «воскликнул к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего». В главе 12 «Михаил и Ангелы его воевали против дракона (Сатаны. — Л. П.), и дракон и ангелы его воевали против них». Если (Арх)ангел «Декабря...», хотя и благой, более того — несущий на себе как бы печать (= «огни») солнца, спровоцирует падение звезды, то цепной реакцией как раз и станет апокалиптический сценарий, возможно, в духе двух видений из «Откровения Иоанна Богослова»:

«Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „попынь“; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр. 8: 10–11);

⁵⁴ Дж. Малмстад и Н. А. Богомолов в качестве параллели к «Декабрю...» указывают рассказ Евгения Замятина «Пещера» (1920) (*Malmstad J., Bogomolov N. Mikhail Kuzmin: A Life in Art. P. 286*). Он строится вокруг супружеской пары, для которой Петроград эпохи военного коммунизма, лишенный тепла и света, превращается в доисторическую (не без апокалиптических коннотаций) пещеру. Существовать в такой обстановке невозможно, а потому муж и жена выбирают смерть.

«Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, *падшую с неба на землю*, и дан был ей ключ от кладязя бездны» (Откр. 9: 1; так открывается путь на землю смертоносной саранче).

Наконец, как в «Откровении», так и в «Декабре...» рассказывается, хотя и по-разному, о судьбе городов, вершащих судьбы цивилизации. Если в «Откровении» достойной уничтожения блуднице-Вавилону противопоставлялась невеста-Иерусалим, то в «Декабре...» Петербург показан скатывающимся в непоправимую катастрофу.

2.2. «Декабрь...» и эсхатология «петербургского текста»

Связующим звеном между «Декабрем...» и «Откровением Иоанна Богослова» стала эсхатология «петербургского текста». Дальнейшее обсуждение потребует опоры на концепцию В. Н. Топорова, но с теми дополнениями, которые в него внесла антология М. И. Синельникова «Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград в русской поэзии», и с теми исправлениями хронологического и содержательного порядка, которые недавно предложил К. В. Душенко. Одна из статей Душенко посвящена так называемому проклятию Евдокии Лопухиной «Петербургу быть пусту» (изначально — палимпсесту из двух изречений, не имевших характера эсхатологического предсказания), а другая — легенде о Петербурге, пережившем наводнение и ушедшем под воду.⁵⁵

Интертекстуальный фон, на котором «Декабрь...» начинает играть своими апокалиптическими красками, — серебряновечная трактовка гибнущего Петербурга, ср. в изложении Топорова:

«Эсхатологичен Петербург и в изображении Андрея Белого. Призрак конца постоянно присутствует в романе, ибо Петербург — над бездной <...>, ср. уже упоминавшееся ранее описание наводнения в Петербурге у Мережковского как своего рода эсхатологии и немало других подобных текстов. Поэтому неслучайны столь частые сравнения Петербурга и Невы (или даже прямые определения их) с Аидом, Стиксом, Коцитом, Некрополем, царством мертвых, бездной, глубиью, морским дном или просто „глубокой, темной ямой“ (З. Гиппиус), как неслучайны пророчества о гибели Петербурга, проклятия, призывания кар и наказаний:

Твое холодное кипенье
Страшней бездвижности пустынь.
Твое дыханье смерть и тленье,
А воды — горькая полынь.
<...>
Как прежде вьется змей твой медный,
Над змеем стынет медный конь...
И не сожрет тебя победный,
Всеочищающий огонь.
Нет, ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг.
И червь болотный, червь упорный
Изъест твой каменный костяк.
(З. Гиппиус — «Петербург»)

В предреволюционные и первые послереволюционные годы тема умирания, гибели, уничтожения Петербурга разными способами возникает все чаще и чаще в много-

⁵⁵ См.: Душенко К. 1) «...Быть пусту»: «проклятие Евдокии» и его рецепция в русской культуре XIX — начала XX вв. // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 173–194; 2) Петербургская легенда о наводнении и миф о «конце Петербурга» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5 (2). С. 34–54.

образных вариантах и в известной степени становится общим местом (среди этих текстов стоит отметить «<...> «Петербург», 1915, Поликсены Соловьевой — *Мне снятся жуткие провалы... <...>*».⁵⁶

Топоров и другие культурологи, высказывавшиеся об идиоме (меме) «Петербургу быть пусту», возводили ее к старообрядческому фольклору, а там и к изначальному проклятию, довлеющему над Петербургом. Душенко, взявшись за перепроверку фактов, установил, что эта формула вошла в русскую культуру лишь после опубликования следственного дела царевича Алексея в 1859 году, а легенда, что Петербург был проклят еще в начальный период строительства, появилась и того позже — усилиями Дмитрия Мережковского. В историческом романе «Антихрист (Петр и Алексей)» (1904–1905) Мережковский поведал о строящемся Петербурге, разрушительном наводнении и о грозном и страшном Петре, ломавшем старую Россию через колено и в глазах старообрядцев ставшем Антихристом во плоти. В более позднем историческом романе того же автора — «Александр I» — содержался как эпизод наводнения Петербурга, так и проклятие. В промежутке между романами Мережковский опубликовал эссе «Петербургу быть пусту» (1908).

Как известно, в мережковском — пророческом — русле лежали поэтические мифологи двух поэтесс, Зинаиды Гиппиус и Поликсены Соловьевой, обращенные к гибнущему Петербургу. Остановлюсь на них, поскольку для понимания апокалиптической трактовки «Декабря...» это — культурный контекст.

Перу Гиппиус принадлежали два «Петербурга». Один, 1909 года, приводился выше; другой, созданный в апреле 1919-го, очевидно, в продолжение первого, сочетал в себе отпевание северной столицы с предсказанием о ее возрождении. Особая роль при этом отводилась поэту — бичевателю зла: «Свершилось! В гнили, в мутной пене, / Полузадушенный, лежишь. / На теле вспухшем сини тени, / Закрыты очи, в сердце тишь... / Какая мгла над змием медным, / Над медным вздыбленным конем! / Ужель не вспыхнешь ты победным / Всеочищающим огнем? / Чей нужен бич, чье злое слово, / Каких морей последний вал, / Чтоб Петербург, дитя Петрово, / В победном пламени восстал?»⁵⁷

Соловьева своему «Петербургу» (опубликованному в 1920 году) предпослала эпиграф «Быть Петербурху пусту. *Евдокия*», с которым была согласована и топика апокалипсиса по-петербургски: «И ветер панихиду стонет / По скатам крыш, средь черных труб, / И мгла осенняя хоронит, / Омыв дождями, тяжкий труп. / О, город крови и мучений, / Преступных и великих дел! / Незабываемых видений / Твой зодчий дал тебе удел. / О, город страшный и любимый! / Мне душу пьют твой мрак и тишь. / Про-

⁵⁶ Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы». С. 45. Среди более ранних образцов петербургской эсхатологии В. Топоровым приводится «Подводный город. Идиллия» (1847) М. А. Дмитриева (Там же. С. 43–45), где от затонувшего в море Петербурга остался торчать лишь «шпиль от колокольни», к которому теперь рыбаки привязывают лодки. (Попутно отмечу, что «Чудесная жизнь... Калиостро» Кузмина, реализовавшая ту же парадигму, но in пусе, цитируется Топоровым в примечании к работе «Ахматова и Блок»: «...все заставляет бояться, что вот пробьют часы, петух закричит — и все: и город, и река, и белоглазые люди исчезнут и обратятся в ровное водяное пространство» (Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. С. 430; ср. еще: Топоров В. Н. К «петербургскому» локусу Кузмина. С. 554); а также что в «Душе Петербурга» Анциферова призрачный Петербург этого пассажа возведен к Достоевскому (Анциферов Н. Душа Петербурга. С. 204)). У Дмитриева сюжет затопленного Петербурга дополнен мотивом коллективной памяти, удерживающей истинные ценности. Из диалога рыбаков выясняется, что как судьба, так и имя подводного города забыты. Комментируя эту и другую проблематику «Подводного города», Душенко помещает его в контекст славянофильского диалога, первой репликой которого стало стихотворение Константина Аксакова «Петру», а второй — «Ответ Аксакову» Дмитриева, и приходит к следующему выводу: «Город, воздвигнутый в „споре с Богом“, постигла небесная кара <...> От города не осталось даже имени: „Оттого что не родное — / И не памятно оно“» (Душенко К. Петербургская легенда о наводнении и миф о «конце Петербурга». С. 46).

⁵⁷ Гиппиус З. Стихотворения. С. 337.

клятем женщины томимый, / Ты умер?.. Нет, не умер, — спишь».⁵⁸ Далее появлялся певец, произносящий «благословение» городу.

Из литературы идиома «Быть Петербургу пусту» перенеслась, согласно Душенко, в «политическую повестку дня»; произошло это «накануне и после Февральской революции, в связи со слухами о сдаче Петрограда немцам и переезде правительства в Москву».⁵⁹

По этой преамбуле видно, что символисты брались высказываться о судьбе Петербурга как провидцы, пророки, витии, а в «Декабре...» какой-либо пафос отсутствует. Кроме того, предшественники Кузмина превращали апокалипсис по-петербургски в сюжетную доминанту своих текстов, в «Декабре...» же этому мотиву отведен задний план. Риторический напор Кузмина гуманистичен: его волнует не столько конец Петербурга, сколько лиминальная condition humaine, переживаемая лирическим «мы» во всей остроте.

Расхождение с традицией состоит и в том, что у Кузмина лиминальность не привязана к основанию Петербурга. «Декабрь...» — приговор большевистской диктатуре и военному коммунизму.

В реконструируемой Топоровым петербургской эсхатологии «большевистский» пункт, который бы соответствовал содержанию «Декабря...», отсутствует. Но его можно восстановить, заглянув в петербургскую антологию Синельникова — в раздел, названный по строке Анны Радловой: «„Полынь-звезда взошла над нашим градом...“ Поэзия первых дней и первых лет революции».⁶⁰

Так мы подошли к тому, что «Декабрь...» находится на одной орбите с пореволюционными стихами Радловой о Петербурге, написанными чуть раньше и, возможно, повлиявшими на Кузмина. Оба поэта чувствовали себя в условиях военного коммунизма так, как если бы в их городе уничтожение всего живого происходило с неотвратимостью библейского апокалипсиса.

2.3. Кузмин и Анна Радлова

К 1920 году сближение Кузмина и Юркунa с Анной и Сергеем Радловыми уже произошло. В 1922–1923 годах этому кружку друзей-единомышленников предстояло выйти в мир групп под названием «Эмоционалисты», а в качестве органа печати получить журнал «Абракасас».

Об основательном знакомстве с поэзией Радловой свидетельствуют и другие факты творческой биографии Кузмина начала 1920-х. В качестве обозревателя книжных новинок он писал о ее сборниках «Корабли» и «Соты». Его рецензия «Голос поэта (Анна Радлова. «Корабли»)» и эссе «Крылатый гость, гербарий и экзамены», тоже о Радловой, были им переизданы в сборнике статей и отзывов «Условности» (1923). Фигурирует Радлова и в его обзорной статье «Парнасские заросли» (1923).

Складывается впечатление, что в «Декабре...» суммированы строки Радловой с эсхатологическими предчувствиями, образами (апокалиптической) звезды и (отлетающего) ангела, мотивом спасительной любви, ср.:

«Мы из города слепого...» (1917): «Может быть, наш город *темный* / В *темном* море потонул»;⁶¹

«Полынь-звезда взошла над нашим градом...» (1919): «*Полынь-звезда* взошла над нашим градом, / Губительны зеленые лучи»;⁶²

⁵⁸ Sub rosa: Аделаида Герцык, София Парнок, Поликсена Соловьева, Черубина де Габриак / Сост., подг. текстов и комм. Т. Жуковской, Е. Калло. М., 1999. С. 455.

⁵⁹ Душенко К. «...Быть пусту»: «проклятие Евдокии» и его рецепция в русской культуре XIX — начала XX вв. С. 173.

⁶⁰ См.: Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград в русской поэзии. С. 313–382.

⁶¹ Там же. С. 327.

⁶² Радлова А. Корабли. Пг., 1920. С. 17.

«Видишь, Дворцовая площадь...» (1919): «Видишь, Дворцовая площадь / Нежной травой поросла, / Ветер в небе знамена полощет, / А на знаменах кровь или стертые слова. / Только знаю — слова и *кровь* / Прославляют нашу *любовь*»;⁶³ и

«Ангел песнопения» (1918): «Меня *оставил* средь домов и труб / И в голубые отелел селенья». ⁶⁴

Обращает на себя внимание и переключка поэтов на уровне рифмы, ср.: *кровь* : *любовь*.

На фоне достаточно просто устроенных стихотворений Радловой можно видеть, что «Декабрь...» отличается повышенной сложностью, которая, впрочем, мимикрирует под простоту. Тематически в стихотворении Кузмина спрессованы и политика, и быт, и религия, и любовь, и все это вдобавок согласовано с «петербургским текстом».

Еще одно отличие Кузмина от Радловой — отсутствие как прямолинейных заявлений, так и лобовой трактовки тем, включая петербургскую. Вместо того, чтобы проговаривать свои мысли и эмоции в открытую, Кузмин, будучи эмоционалистом (правда, в 1920 году *de facto*, а не *de iure*), транслирует все это более тонкими и оттого более действенными способами.

Два следующих раздела статьи будут посвящены нюансировке, которую «петербургский текст» стихотворения, т. е. содержание, приобрел за счет языка, стиля, метрики, т. е. формы.

3. Как писать о Петрограде в декабре 1920 года: шкала «иностранное vs. русское»

Петербург и его окрестности Кузмин изображал по-разному, решая каждый раз новые задачи. Так, в «Чудесной жизни Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» посещаемая Калиостро столица России — екатерининская, придворно-дворянская, авантюрная, аудиально — с доносящимися из Петропавловской крепости пушечными выстрелами. В стихотворении «Летний сад» пушечные выстрелы уносят воображение лирического «я» в прошлое, в молодость бабушек — и (очевидно, пушкинских) франтов: «Не гонит крепость пушкой гулкой / Всех франтов к устрицам, как встарь» (с. 316). В романе «Тихий страж» Петербург приобретает черты типично Достоевского локуса: тут и сумасшедшая любовь, и революционно-террористическая активность, и сложные отношения двух братьев. В любовной лирике «дневникового» характера, написанной до Октябрьского переворота, Петербург — обжитой, с соборами и церковными праздниками, садами (Летним, Таврическим), — зовет к радостям жизни. Появляется в ней, с одной стороны, религиозная тема, а с другой, — экфрасисы. Возьмем в качестве примера стихотворение «Склоненный ангел на соборе...», где лирическое «я» и «ты» гуляют по городу на Пасху. Городской пейзаж представляет собой мультимедийный экфрасис Петербурга, в котором синтезированы и «склоненный (!) ангел» Исаакиевского собора, и колокольный звон, и пасхальный тропарь «Христос воскрес из мертвых», и пушечные выстрелы, доносящиеся с Петропавловской крепости: «Склоненный ангел на соборе / Свой пламенный бросает в твердь, / Исчезла с яростью во взоре / Растоптанная смертью *смерть*. / Дрожит восторженная ода / В гудении колоколов. / Все улицы полны народа, / <...> Вдали пальба. — / Ожесточеннейшую душу / Растопит радостью *мольба*. / Иду с тобой. Весь мир — безлюден / <...> И в сердце огненной горою / Не купина — горящий лес / Поет: «Тобой, одним тобою / Сегодня навсегда воскрес!» (с. 236). От великолепия Петербурга, в «Склоненном ангеле...» поражающего воображение, в «Декабре...» не осталось и следа. «Петербургский текст» в нашем стихотворении соткан из нарочито обыденных, по большей части приземленно-бытовых, слов, т. е. без «од», «пламенников» и «тверди».

⁶³ Там же. С. 16.

⁶⁴ Там же. С. 34.

Помимо простоты и незамысловатости у «Декабря...» есть и другая стилистическая изюминка — движение по шкале «иностранное vs. русское».

При обсуждении этой темы стоит прежде всего принять во внимание читательские ожидания, сформированные историей северной столицы и принципами ее описания в литературе. Отвоєванная у Швеции земля при Петре I и последующих императорах функционировала как европейская витрина русской жизни, а описывающая этот феномен поэзия XIX — первой трети XX века любила использовать слова, отмеченные иностранностью, ср. вводящий в суть дела хрестоматийный метаязыковой пассаж из Некрасовского «Московского стихотворения» (диптих «Дружеская переписка Москвы с Петербургом»): «С немецким языком там (в Петербурге. — Л. П.) перемешан русский, / И над обоими господствует французский». ⁶⁵

Иностранным лексиконом «петербургская» поэзия Кузмина подпитывалась как до 1920 года, так и после, например, в стихотворении «Утраченного чародейства...» (1921), кстати, прямом наследнике «Декабря...». Там Петербург показан при полном параде, таким, каким он будет запечатлен в коллективной памяти будущих поколений. Иноязычная лексика «Утраченного чародейства» — это, с одной стороны, топонимы «Адмиралтейство», «Невская перспектива», она же — «коридор»; с другой, «детское серсо» (с. 645), или пришедшая из античности в современность игра с колесом; и, с третьей, метаязыковые слова «механично» и «схемы». Лирические герои «Утраченного чародейства...», жившие хотя и в «оковах» (ср. «ссылку» в «Декабре...»), но с полным достоинством, показаны глазами будущих поколений как чудо. За решимость «любить, мечтать и петь» (с. 646) в невыносимо тяжелых условиях их тела стали нетленными мощами, а они сами — объектом культа.

Стилистическая доминанта «Декабря...» — иная: минимум иноязычного корнеслова, максимум русского. Но почему в связи с ним вообще заходит речь о стилистически выраженной русскости?

В палитре Кузмина, прославившегося своими стилизациями, был и «русский голос», ⁶⁶ использовавшийся то для воспроизведения старинного канона духовного стиха, как в цикле «Духовные стихи», то для воспевания страниц русской истории, жизни русской провинции или какого-то другого, но тоже типично русского явления. Примеры последнего — «Царевич Димитрий», «Псковской август», «Хлыстовская» — составили цикл 1915–1917 годов с красноречивым названием «Русский рай».

Открывается «Русский рай» стихотворением «Все тот же сон, живой и давний...» — мечтой о русской родне, явно в продолжение Петра Вяземского (ср. «Первый снег») и Пушкина (ср. «Зимнее утро» или зимние пассажи «Осени»). Кузмин тоже берется воспеть идеальное времяпровождение, присущее только этому времени года. Так появляется мечта, или «давнишний сон души», — программа, состоящая из многих пунктов, а потому до конца несбыточная: пусть за окном усиливается мороз и на стеклах выступают морозные узоры, но пусть дома будет комфорт — натоплено, стоят иконы, читается богоугодная литература («Пролог, Псалтирь», ср. «читаем Библию» в «Декабре...»); главное же, чтобы «цвела любовь — размаривающая и покоящая» (с. 323–324).

На «Все том же сне...» я остановилась столь подробно потому, что с «Декабрем...» он соотносится как позитив и негатив единого зимнего снимка. Общий набор категорий проигрывается в первом случае как райский идеал, во втором — как подступающий апокалипсис. Сходство закреплено и стилистически выраженной русскостью, но только во «Все том же сне...» она оформляется в «русский голос» (ср. заглавие цикла «Русский рай»), а в «Декабре...» принимает вид бытового, обыденного и даже несколько обедненного языка, каким Кузмин, например, писал свой дневник.

⁶⁵ Некрасов Н. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. Л., 1967. Т. 2. С. 20 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁶⁶ Термин из работы Омри Ронена (Ронен О. О «русском голосе» Осипа Мандельштама // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 43–67), где он применен для демонстрации того, что стилистика русскости — примета не одного только Сергея Есенина, но и, например, Осипа Мандельштама — автора стихотворений «Как растет хлеб овара...» и «Сохрани мою речь навсегда...».

Корнеслов «Декабря...» — 118 слов, из которых 64 однозначных и 44 служебных относятся к исконно русским. Остальные 10 однозначных слов — не русского происхождения, однако кроме скандинавского антропонима «Врангель» давно вошедшие в русский язык и ощущаемые «своими».⁶⁷

Этим десятком слов, отличающихся от русской и одновременно простой лексики, наводятся особые ассоциации.

Существительными древнегреческого происхождения — «Библия» (2 раза), «Архангел» и «ангел» — создается религиозный пласт «Декабря...», неизменно важный для петербургской лирики Кузмина, ср. уже процитированную строку «Склоненный ангел на соборе», а также строки «„Коль славен наш *Господь в Сионе*“ / Трубят в Таврическом саду» (с. 241).⁶⁸ Кузминский Петербург, таким образом, показан принадлежавшим к христианской ойкумене, и тем ощутимее надвигающаяся беда — угрожающая лирическому «мы» и городу богооставленность.

Открывается «Декабрь...» словом «декабрь»,⁶⁹ из древнеримского календаря, а в последней строфе фигурирует прилагательное «минутный» — от *минута*, еще одной латинизированной меры времени. Противоположный, русский, полюс темпоральной лексики — «Тупые протекают дни». «Тупой» (в словаре Кузмина это — всегда негативно окрашенное прилагательное, вне зависимости от содержательного наполнения, будь то материального или, как в «Декабре...», абстрактного) знаменует однообразие, нерасчлененность, бессмысленность. Активное, унаследованное Европой от античности, обращение с временем и историей в пореволюционном Петрограде отменено. Недаром двум делениям из сложно устроенного календаря / часа — «декабрю» и «минуте» — противостоит череда «дней».

«Розовый / розово» — производное от латинского флоронима *rosa* (через украинский и польский). При чтении «Декабря...» «розовый» не воспринимается как иностранный акцент. В то же время, как отмечает Кравцова, когда в свой пореволюционный дневник Кузмин заносит соответствующие наблюдения над небесным пейзажем, то Петербург уподобляется духоподъемной Италии.⁷⁰

Самое показательное для петербургских земель, когда-то отвоеванных у Швеции, а в дальнейшем наполнившихся европейцами, которые принесли в русскую культуру свой этос и лексику, слово — *Wrangel*. Петр Николаевич Врангель, упомянутый в «Декабре...», имел датские корни, но его фамилия, как считают специалисты по антропонимике, — шведского происхождения.⁷¹ В дневниках Кузмина за 1917–1920 годы упомянуто много политических сил, от которых ожидалось отвоевание Петрограда у большевиков: союзники России по Первой мировой, немцы, Колчак, Врангель. Тем не менее для «Декабря...» Кузмину пригодился один Врангель, возможно, как обладатель самого иностранно звучащего имени.

Петербургская молва, как о ней рассказывается в «Декабре...», уповала на Врангеля. Когда же спасения от красной диктатуры не произошло, то и слухи о Врангеле прекратились — то ли из-за отсутствия повода, то ли из-за цензуры. В «Декабре...» лирическое «я» оказывается тем последним голосом, который решается произнести этот антропоним вслух.⁷²

⁶⁷ В эпоху Кузмина фамилия Врангель была привычной, ср.: «Наиболее известными (в России. — Л. П.) являются две баронские фамилии шведского происхождения: *Вр́ангель* (Wrangell), *Р́бен* (<...> Rosén)» (*Унбегаун Б.* Русские фамилии / Пер. с англ. под ред. Б. Успенского. М., 1989. С. 271).

⁶⁸ В приводимых строках стихотворения «Я тихо от тебя иду...» звучит гимн Российской империи. При помощи этого музыкального экфрасиса образуется композиционное кольцо, аналогичное тому, которое в «Декабре...» образует экфрасис живописный.

⁶⁹ Описание специфически петербургского декабря до стихотворения Кузмина см. в «Декабре» Вильгельма Зоргенфрея и «Соломинке» Мандельштама.

⁷⁰ См.: И. К. [Кравцова И.]. Михаил Кузмин.

⁷¹ См. прим. 67.

⁷² Так в стихотворении Кузмина, а в русской литературе Михаил Зощенко зимой 1920/1921 года написал рассказ «Старуха Врангель» (сб. «Разнотык», 1923), юмористический, но и зловеющий одновременно. Чекист, подозревающий заглавную героиню в переписке с тем самым

Резонанс от произнесения фамилии Врангель, погашенный сюжетом, усиливается на уровне стиха. «Врангель» вынесен в позицию рифмы, причем рифма эта — единственная на все стихотворение — иностранная: *Врангель : Архангел*.⁷³ Между зарифмованными словами возникает эффект эха. Дополнительное сходство проистекает из лирического сюжета. Кузмин видит в обоих спасителей Петербурга (что закреплено общей фоникой двух слов — *АНГЕЛ*), с этой миссией не справившихся.

Протащить в стихотворение 1920 года Врангеля не в обличительном контексте, как то было принято в печати,⁷⁴ а со вздохом сожаления, — типичный контрреволюционный поступок, выдающий в лирическом «я» «бывшего». Ставя свободу превыше всего, Кузмин самоцензурой не занимался, разве что во второй половине 1920-х годов, когда по-эзоповски написал «Переселенцев» и «Смерть Нерона». Высказываясь в «Декабре...» без оглядки на «можно» и «нельзя», Кузмин превратил стихотворение в протест против существующего порядка.

Тюркизм «башмак» — постоянный способ называния обуви в бытовом языке Кузмина (см. дневники за 1917–1924 годы⁷⁵). Но характерно, что как в дневниках, так и в «Декабре...» «башмаки» становятся достойным упоминания событием лишь в стадии перехода к небытию: когда развалились или когда отвалилась подошва.⁷⁶

Синекдохически тема развала, не только «башмаков»,⁷⁷ без которых зимой не выжить, но и плоти (ср. «треснувшие пальцы»⁷⁸), переносится на Петербург военного коммунизма. Тюркизм «башмак» позволительно связать с тем, что Петербург от прежде европейского курса совершает разворот на сторону «березовщины».

Стилистика русскости, в свою очередь, наиболее ощутима в церковнославянизме *злато*-, а если принять во внимание происхождение фамилии Меншиков, то и в способе

Врангелем, при допросе обозначает его фигурами умолчания, которые являются в то же время подмигиванием героине (ср. «родственник», «известное вам лицо», «генерал»). Не добившись от несчастной признания, он отправляет ее в тюрьму. Выпущенная после трех дней ареста, старуха Врангель забивается в свою комнатную (внутри коммунальной квартиры) и вскоре умирает. Как Кузмин в «Декабре...», так и Зощенко в рассказе иллюстрируют происходящую на их глазах диссоциацию Петербурга с фамилией *Врангель*.

⁷³ Согласно Национальному корпусу русского языка, *ангел* — самая частая рифма к *Врангелю*, ср. «У ворот Иерусалима...» Николая Гумилева: «Ведь и ты, о сильный *ангел*, / Сам виновен, потому / Что сбежал разбитый *Врангель* / И большевики — в Крыму» (Гумилев Н. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 2001. Т. 4. С. 98). Второе по частотности место — у рифмы *Врангеля : Англия*.

⁷⁴ Тут можно вспомнить не только антиврангелевские филиппики Маяковского, ср. в особенности «Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума...» (не позднее ноября 1920 года) с темой народной молвы о Врангеле: «Врангель прет. / Отходим мы. / Врангелю удача. / На базаре / две кумы, / вставши в хвост, судачат: / — Кум сказал, — / а в ём ума — / я-то куму верю, — / что барон-то, / слышь, кума, / меж Москвой и Тверью» (Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 63) и т. д., но и агитационную песню «Красная Армия всех сильнее», за границей получившую известность как «Марш Красной Армии» (музыка — Самуила Покрасса, стихи — Павла Горинштейна). Уже ее самые первые строки содержали проклятие «Черному барону». Еще более показателен «Манифест барона фон Врангеля» (1920) Демьяна Бедного, в котором речевой портрет врага Советской власти — макаронический (онемеченный) язык: «Я самый лучший, самый шестный / Есть кандидат на царский трон. / Послушай, красные зольдатен: / Зашем ви бьетесь на меня? / Правительство мой — все демократен, / А не какой-нибудь звиня» (Бедный Д. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 2. С. 284).

⁷⁵ Широко, но все-таки без *башмаков*, обувной мотив представлен в «Ангеле благовествующем». Один обувной мотив — отнятые новой властью «сапоги», два другие — обувь с чужой ноги и затоптанность «нас» «даже не *сапогами*, / Не *лаптями*, / А краденными с чужой ноги *ботинками*» (с. 638).

⁷⁶ Ср. записи от 14 августа и от 26 сентября 1920 года: «Вечером Юр. меня упрекал опять за *башмаки*», «подошва отвалилась» (Кузмин М. Дневник 1917–1924. Кн. 1. С. 89, 234).

⁷⁷ На картине Сурикова видна обувь Меншикова-отца — «сибирские сапоги из оленьего меха (какие любил носить Петр Великий)», они же — «остяцкие камасы» (Кеменов В. В. И. Суриков: Историческая живопись. С. 261, 288).

⁷⁸ Согласно дневнику (Кузмин М. Дневник 1917–1924. Кн. 1. С. 255, 256), такая беда постигла Кузмина сразу после «Декабря...» — между 18 и 26 декабря, что отмечено в комментарии Пахомовой к этим записям, см.: Там же. С. 462.

нарекания младшего сына *Меньшим* или *Меньшиком*.⁷⁹ Легко считывается и этимология топонима *Березов* — за ним символически маячит национальный символ.

Этот стилистический сюжет не будет полным без ответа на вопрос: что в «Декабре...» делает шкала «иностранное vs. русское»? Ответ напрашивается: представление о том, что наполнение «березовщины» на петербургскость состоялось и, вследствие этого, из Петербурга вытесняется деловой, активный европейский дух, закреплено посредством этимологии.

4. «Старорежимная» манера письма vs. пореволюционная эстетика

Последний раздел будет посвящен обоснованию общего тезиса этой статьи: уникальность развернутому в «Декабре...» «петербургскому тексту» придает голос «бывшего». Под голосом «бывшего», он же — «старорежимная» манера письма, будет пониматься совокупность риторики, интонаций, метра, рифмовки, отдельных интертекстов и других малозаметных, но, тем не менее, значимых деталей.

Современный читатель без филологической подготовки едва ли расслышит в «Декабре...» дикцию, свойственную «бывшему», и, соответственно, вряд ли воспримет этот текст как нарушение советских запретов, гласных и негласных. Чтобы по достоинству оценить артистическую дерзость Кузмина, а вместе с ней и «Декабрь...» как художественное построение, в котором содержание и форма составляют одно, обратимся к его контексту — пореволюционной эстетике.

Любого представителя искусства, который, как Кузмин, сложился в Серебряном веке, первые годы советской власти поставили перед дилеммой: сохранять ли верность прежней манере, создавшей своему автору имя, или переключиться на какую-то новую, остро- и даже ультрасовременную, чтобы шагнуть в ногу с эпохой?

Идеология победившего большевизма потребовала от людей искусства отряхнуть прах прошлого, приступить к работе на светлое коммунистическое будущее вместе с партией и правительством, отказаться от индивидуализма в пользу коллективизма и народности. Новому содержанию должна была соответствовать и новая форма. РевOLUTIONIОНная эстетика, или Культура Один, поощряла авангардный дух, поиски в области формы и — шире — эксперимент, в том числе ради эксперимента.

Прошел культурный разлом и по манере письма. Футуристы, находившиеся в сильной позиции, т. е. при власти, попытались навязать зарождающейся советской литературе свой язык, стиль, дискурсы, и Маяковскому это удалось. Случалось, что маститые авторы, получившие признание до революции и выбравшие остаться в России, переходили со своего персонального стиля на новый. Хрестоматийный пример — революционные во всех отношениях «Двенадцать» Блока, менее известный — Брюсов, прежнюю манеру письма сплавивший с новой в «академический авангардизм».⁸⁰ Смена «старорежимной» манеры на новую неминуемо сопровождалась заидеологизированностью, конформизмом, наступанием на горло собственной песне. Радикализм уравнивался эмигрантским консерватизмом. Гиппиус, Иван Бунин и другие авторы, ко времени отъезда прославившиеся, не только не отказались от прежней манеры, но всячески защищали свой поэтический мир от вторжения злобы дня, эстетических новаций, эксперимента. Были минусы и у такой программы — язык, стиль, приемы обновлялись недостаточно, что грозило отставанием от эстетических императивов эпохи.

В отличие от большинства современников, сделавших однозначный выбор в пользу старорежимности или эксперимента, Кузмин оставил за собой свободу быть разным. В результате ему удалось пройти мимо «сциллы» консерватизма и «харибды» предательства себя и своей Музы.

⁷⁹ См.: *Унбегаун Б.* Русские фамилии. С. 163.

⁸⁰ См.: *Гаспаров М.* Академический авангардизм. Природа и культура в поэзии позднего Брюсова. М., 1995.

Для лучшего уяснения эволюции Кузмина в советское время⁸¹ возьмем в качестве точки отсчета Февральскую революцию. Как и у ряда других писателей, у Кузмина она вызвала прилив гражданского энтузиазма и творческое фонтанирование. Начиная с 1917 года Кузмин предпринимал, одну за другой, попытки писать по-новому. Иной раз эксперименты заводили его на территорию футуристов, в частности Маяковского, с которым он в то время дружил. Становление новой поэтической дикции сопровождалось то прямолинейностью, политизированностью, злободневностью, то повышенным герметизмом. Результаты освоения ультрасовременной манеры, если их оценивать из сегодняшнего дня, были смешанными: от стихотворений-однодневок «на случай» (ср. «Русскую революцию») до последних книг стихов (ср. «Параболы» и «Форель разбивает лед»), в которых переизобретение Кузминым себя состоялось, принесло паразитические плоды.

Не отказался Кузмин и от своей сигнатурной — дореволюционной — манеры, которую филологи как до 1917 года, так и после уважительно называли классической и пушкинской.⁸² Она как раз представлена в «Декабре...».

Таким образом, голос «бывшего» сигнализирует о верности себе прежнему, т. е. тому Кузмину, который сложился в Серебряном веке. Этот вектор «Декабря...», стилистический, но в такой же мере и этический, совпал с программными установками уехавших, чем, возможно, и объясняется восхищенное отношение к стихотворению в эмиграции.

В принципе в «Декабре...» могла быть использована любая из двух манер Кузмина — и «старорежимная», и ультрасовременная. Дело в том, что написанный в те же годы и на те же темы «Ангел благовествующий» (цикл «Плен», первая публикация — 1984) — типичное авангардно-экспериментальное высказывание в духе Культуры Один, тогда как два стихотворения 1921 года «Мне не горьки нужда и плен...» и «Утраченного чародейства...» наследуют «Декабрю...» и по линии содержания, и своей классической дикцией.

Сравнение «Декабря...» и «Ангела благовествующего» можно продолжить. В плане содержания «Ангел...» — поток жалоб на бытовые тяготы: государством, или арачьевиной по-советски, вещи первой необходимости отобраны, а человеческое достоинство поругано. Эта топка, родственная «Декабрю...», получает политическое заострение: под властью большевиков лирическое «мы» чувствует себя «навозом» (с. 639).⁸³ Закономерный следующий шаг — гражданский протест, высказанный без обиняков. Быт и политика служат, в свою очередь, трамплином для религиозной темы. Как и в «Декабре...», это бого-, точнее, ангело-оставленность. В «Ангеле...» указанная тема выходит на первый план: будучи заявленной уже в заглавии (ср. «ангела»), она получает дальнейшую разработку внутри лирического сюжета, представляющего собой рассказ о том, что происходит с лирическим «я» в отсутствии небесного покровительства. В финале как одного, так и другого стихотворения звучат нотки надежды, только в «Декабре...» они слабее. Поскольку в «Ангеле...» возрождение лирического «я» поставлено в зависимость от ангела-хранителя, отлетевшего «не навек» (с. 639), то вот и основание для оптимизма. Иное дело — «Декабрь...»: в его лирическом сюжете даже (Арх)ангелу не под силу справиться с постепенно разворачивающейся катастрофой апокалиптических масштабов. Отсюда — готовность этого небесного персонажа к пессимистичной реакции «Это навсегда!»

Содержательная общность «Декабря...» и «Ангела...» приведенной топикой не исчерпывается.⁸⁴ Не задерживаясь на ней долее, перейду к двум манерам письма —

⁸¹ Первую попытку ее описать см.: Панова Л. Михаил Кузмин // Русская литература XX века: 1930-е — сер. 1950-х гг. / Под ред. М. Липовецкого и др.: В 2 т. М., 2014. Т. 2. С. 20–43.

⁸² Ср. в самую первую очередь высокую оценку В. М. Жирмунского, высказанную в «Преодолевших символизм» (1916) и «Поэзии Кузмина» (Жизнь искусства. 1920. 7 окт. № 576. С. 1).

⁸³ Ср. приведенную выше скатологическую метафору дневников — о большевистском вандализме.

⁸⁴ Ср. прим. 75 с обувным мотивом двух стихотворений, прим. 28 с общим для них мотивом тупости, а также параллель «Гавриил» («Ангел...») / «Архангел» («Декабрь...»).

настолько разным, что этим оттеняется тематическая общность двух стихотворений. Стихотворения никогда не сопоставлялись — несмотря на то, что в «Ангеле...» содержатся ключи к целому ряду пассажей «Декабря...».

Сначала — о новой, авангардной и в то же время экспериментальной манере «Ангела...». Она привносится метрикой — «нестрофическими стихами с вольной рифмовкой»,⁸⁵ и риторикой, в которой преобладает избыточность и даже, если угодно, «болтливость» футуристического (маяковского) образца. Кузмин позволяет себе, среди прочего, излагать бытовые тяготы, протесты, пожелания длиннейшими списками, иллюстрирующими понятие «всё», ср.: «Отняли хлеб, свет, тепло, мясо, / Молоко, мыло, бумагу, книги, / Одежду, сапоги, одеяло, масло, / Керосин, свечи, соль, сахар, / Табак, спички, кашу, — / Всё» (с. 638). Что касается интонационного репертуара «Ангела...», то он разнообразен. Не вдаваясь в подробности, укажу лишь на перечислительность — интонационный контур списков. Кстати, имеется «островок» перечислительности и в «Декабре...». Но показательно, что в строфе IV — молитве — дается список просьб в 5 пунктов, тогда как в приведенной цитате из «Ангела...» перечень отнятого — это 19 пунктов, т. е. типичная словесная эквилибристика, подпадающая под понятие эксперимента.

«Декабрь...» выдержан в привычной силлабо-тонике, однако его размер — четырехстопный ямб с перекрестной дактилической и мужской рифмовкой — нельзя назвать полностью классическим, т. е. из XVIII или Золотого века перешедшим в Серебряный век. Согласно стиховедческому очерку Гаспарова, посвященному Я4ДмДм, этот размер начал активно разрабатываться только в Серебряном веке, причем «Незнакомке» Блока (кстати, «петербургскому» стихотворению) удалось затмить более ранние образцы Я4ДмДм, вышедшие из-под пера Константина Бальмонта, Брюсова, Вяч. Иванова и других поэтов Серебряного века.⁸⁶

В своем очерке Гаспаров бегло коснулся шести стихотворений Кузмина, пять из которых назвал любовными, а «Декабрь...» — гражданско-бытовым. Более полную картину того, как Кузмин употреблял Я4ДмДм, дает «Метрический справочник», еще один вклад Гаспарова в кузминистику.⁸⁷ Если, опираясь на Гаспарова, погрузиться в корпус кузминской поэзии в Я4ДмДм,⁸⁸ то окажется, что даже своим размером «Декабрь...» глядится в «старорежимное» прошлое. В поэзии Кузмина «Декабрю...» предшествовал десяток дореволюционных стихотворений в Я4ДмДм, зато после не было написано (или же не сохранилось) ни одного.

Риторические приемы «Декабря...» многообразны, включая смену интонаций на каждом отрезке текста. Благодаря этому в картину стагнирующего Петрограда и «тупого» ожидания непонятно какого будущего вносится живой, т. е. заряженный эмоциями, человеческий голос. Пореволюционные дискурсы поворачивались спиной и к человеку, и к такой малости, как человеческий голос, требуя внимания к «большим» идеям, социуму, воспитательной программе по перековке индивида, т. е. тому, что Кузмину было чуждо.

В «Декабре...» действует строжайший режим экономии средств (примеры приводились выше) и, что близко, но не тождественно, теснота стихового ряда. Автор «Декабря...» предстает блестящим стилистом, выразившим многое в немногих, преимущественно простых, бытовых, русских и «обрусевших» словах и с абсолютной органичностью для русского языка интонациями.⁸⁹ Не пускаясь в рассуждения о том, присущ ли «Декабрю...» герметизм, отмечу лишь, что в экспликации нуждается без преувеличения каждая его деталь. Противоположностью экономии средств (и тесноты стихового ряда) можно счи-

⁸⁵ Гаспаров М. Метрический справочник // Гик А. Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина. Т. 4. С. 240.

⁸⁶ См.: Гаспаров М. «По вечерам над ресторанами...» (4-ст. ямб ДМДМ: становление ореола) // Гаспаров М. Метр и смысл. М., 1999. С. 31–49.

⁸⁷ См.: Гаспаров М. Метрический справочник. С. 216–350.

⁸⁸ За вычетом стихотворений на случай, но с учетом лирических миниатюр поэмы «Новый Ролла».

⁸⁹ Об интонационной вариативности «Декабря...» на одном примере (инверсии в П.1) см.: Невзглодова Е. О стихе. СПб., 2005. С. 31.

тать «болтливость», прямолинейность, идеологический напор, свойственный авангардной манере Кузмина в «Ангеле благовествующем» и подобных стихотворениях.

Под интертекстуальной лупой в «Декабре...» проступает верность пушкинской традиции — не забудем, что манеру письма Кузмина современники-литературоведы окрестили пушкинской.

Начать с того, что через два месяца после «Декабря...» для заседания памяти Пушкина в Доме литераторов 11 февраля 1921 года Кузмин сочинит своего «Пушкина»; там это стихотворение и будет исполнено (без особого успеха). Помимо того, что «Пушкин» выдержан в «старорежимной» манере, в нем получит разработку ключевая для пореволюционной эстетики дилемма: как писать в 1920-е — стремясь к новизне ради новизны или, напротив, в диалоге с вечно живым классиком? Вот предлагаемое Кузминым решение: «Он жив! <...> / *Пленительны и полнозвучны, / Текут родимые слова... / Как наши выдумки докучны / И новизна как не нова!*» (с. 424). Приведенная цитата проливает свет на интертекстуальную суть «старорежимной» эстетики «Декабря...» — «родимые» пушкинские слова претворяются в «полнозвучную» поэтическую речь новой эпохи.

О том, что «Декабрь...» благодаря генезису (а именно стихотворению «Все тот же сон, живой и давний...») вписывается в традицию классических, в том числе пушкинских, словословий зиме, говорилось выше. А сейчас обратимся к его зачину «морозит... розовом» и согласованной с ним концовке — о розовости щек. В них сквозит отсылка к «зимним» строкам Пушкина, ср.: «И вот уже трещат морозы / <...> / Читатель ждет уж рифмы *розы*»;⁹⁰ «Но бури севера не вредны русской *розе*. / Как жарко поцалуй пылает на *морозе!*»);⁹¹ в том числе из «Медного всадника: *Петербургской* повести»: «*Люблю зимы* твоей жестокой / Недвижный воздух и *мороз*, / Бег санок вдоль Невы широкой, / Девичьи лица *ярче роз*».⁹²

Далее, строка «Пошли нам крепкое *терпенье*» — слепок, в том числе эквиритмический, со второй строки пушкинского послания декабристам «Во глубине сибирских руд...»: «Храните гордое *терпенье*».⁹³ Оборотом «как беззаконница», для «звезды», подхватывается пушкинский «Портрет», в котором для красавицы, дерзко нарушающей нормы и правила приличия, использовано астральное сравнение: «*Как беззаконная* комета / В кругу расчисленном *светил*».⁹⁴ Показательна также рифма *любовь* : *кровь* из строфы VI. Она встречается в «Евгении Онегине», такой пушкинской лирике, как «Весна, весна, пора любви...», и другой русской классике. Кстати, когда Кузмин в «Парнасских зарослях» перебирает причины, по которым публика не отдает должное поэзии Радловой, то называет и традиционность «рифмы „кровь“ и „любовь“».⁹⁵ Появление этой рифмы в «Декабре...» (правда, подновленное тем, что *любовь* — не чувство, но антропоним) — явный симптом «бывшести».

Пушкинский и серебряновечный пунктиры, проходящие по «Декабрю...», позволяют сделать следующее утверждение. Классический канон поэтического письма, который иные передовые современники норовили бросить с парохода современности вместе с его носителями — Пушкиным, Львом Толстым, символистами, Кузминым (ср. дореволюционный кубофутуристский манифест «Пощечина общественному вкусу», научивший советских авторов жеста «отмены» по отношению к прославленным современникам и предшественникам), — автор «Декабря...» восстанавливает в правах. В этом можно видеть особый речевой жест, выдающий в Кузмине «бывшего», которого маргинализация и прочие беды не только не сломили, но закалили.

Итак, «Декабрь...» создавался на противоходе к зарождающейся советской цивилизации. Если пореволюционная эстетика выжигала «старорежимность» каленым

⁹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 6. С. 90.

⁹¹ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 182.

⁹² Там же. Т. 5. С. 136–137.

⁹³ Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 49.

⁹⁴ Там же. С. 112.

⁹⁵ Кузмин М. Проза: В 12 т. Berkeley, 2000. Т. 11. С. 219.

железом, то в «Декабре...» ее концентрация повышена. Контрреволюционному содержанию (чего стоит один только «Врангель» в нейтральном контексте!) аккомпанирует манера Кузмина, ставшая его дореволюционной сигнатурой.

Голосом «бывшего», которым Кузмин заговорил в «Декабре...», транслируется такой императив «петербургского текста», как лиминальность. Читателю дается почувствовать, что когда-то у лирического «я» была и своя полноценная жизнь, и своя дикция, обеспечившая ему особое место в русской поэзии, но что теперь он — практически ссыльный вроде Меншикова в Березове. А в том случае, если апокалипсис станет будущим Петербурга, участь, сужденная лирическому «я», одна — смерть. Тэффи так и сформулировала свои впечатления от «Декабря...» — «преддверие смерти».⁹⁶ Лирический монолог «Декабря...» если не обретает самый формат предсмертного слова, то вызывает сходный резонанс.

Предсмертная речь по определению лиминальна, и в «Декабре...» это делает ее идеальным аккомпанементом к апокалипсису по-петербургски.

Заряжена предсмертная речь и максимально сильной прагматикой. К словам, произносимым перед кончиной, принято прислушиваться, а в случае, если автором предсмертных слов было выдающееся лицо, они имели все шансы попасть в исторические анналы. Можно привести не только предсмертные речи правителей в «Жизни двенадцати цезарей» Светония, но и предсмертные слова самого Кузмина: «В основном жизнь пройдена, остаются только детали...», сохраненные мемуаристами. Конкретно эта формулировка — из эссе Лидии Гинзбург «Мысль, описавшая круг» (конец 1930-х годов).

Так мы, тоже описав круг, вернулись к парадоксу, с которого разбор «Декабря...» начинался. Стихотворение, построенное как монолог о переживаемом в Петербурге историческом катаклизме, снабжено всем необходимым, от топики до иллюзии предсмертного слова, чтобы, невзирая на губительные для него обстоятельства, уцелеть единственно возможным способом: отпечатавшись в коллективной памяти.

⁹⁶ Тэффи. Кузмин // Тэффи. Моя летопись / Сост., предисловие Ст. Никоненко. М., 2015. С. 409.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-1-208-222

© Д. И. Иванов, © Д. Л. Лакербай

«ПОСТНИЦШЕВСКИЙ» ЧЕЛОВЕК В НОЧНОМ МОРЕ: ГЕРОИ И. А. БУНИНА И И. А. БРОДСКОГО НА РАНДЕВУ С «ПУЧИНОЙ БЫТИЯ»

Общеизвестно, какой могучий арсенал символики потенциально содержит образ моря — «угрюмый океан» и «свободная стихия»¹ (Пушкин), «всеобъемлющее море» и «бездна роковая»² (Тютчев), «пучина бытия, откуда все мы, как витязи, явились так давно»³ (Бродский). Мифопоэтическая традиция связывает море / океан с происхождением всего сущего; романтическая традиция сталкивает и переплетает мотивы человека, стихии, жизни и свободы: «...в поэтическом творчестве и в художественно-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1947. Т. 2. Кн. 1. С. 146, 331.

² Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья Н. Я. Берковского; сост., подг. текста и прим. А. А. Николаева. Л., 1987. С. 173.

³ Бродский И. Соч.: В 7 т. / Общ. ред. Я. А. Гордина; сост. Г. Ф. Комаров. СПб., 2001. Т. 2. С. 283. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Бродский, с указанием номера тома и страницы.

27. Proza Vladimira Gippiusa 1890-kh gg. / Predislovie i publ. V. N. Bystrova // Pisateli simvolistskogo kruga. Novye materialy. SPb., 2003.
28. *Romanov A. Iu.* Vozvrashchenie poeta. Materialy k bibliografii K. D. Bal'monta (po gazetnym publikatsiiam 1913 g.) // Solnechnaia priazha. Nauchno-populiarnyi i literaturno-khudozhestvennyi al'manakh. 2008. Vyp. 2.
29. Russkie poety XX veka: materialy i issledovaniia. Vladimir Gippius (1876–1941); Vasilii Gippius (1890–1942) / Otv. red. G. V. Petrova. M., 2024.
30. *Rykunina Iu. A.* «Kniga delo — lichnoe i, konechno, v Rossii sovershenno beskorystnoe». Pis'ma Vladimira Gippiusa Briusovu (1897–1912) // Tikhie pesni. Istoriko-literaturnyi sbornik k 80-letiiu L. M. Turchinskogo. M., 2014.
31. *Rykunina Iu. A.* K biografii Vladimira Gippiusa // Literaturnyi fakt. 2020. № 1 (15).
32. *Rykunina Iu. A.* Vladimir Gippius o Mandel'shtame, Akhmatovoi i literaturnykh pokoleniakh // Literaturnyi fakt. 2020. № 4 (18).
33. *Rykunina Iu. A.* Vladimir Gippius ob akmeistakh: «Uchitelia i ucheniki» // Literaturnyi fakt. 2017. № 5.
34. *Shklovskii V.* Sobr. soch. T. 2 / Sost., vstup. stat'ia I. Kalinina. M., 2019.
35. *Shklovskii V.* Zhili-byli. Vospominaniia. Memuarnye zapisi. Povesti o vremeni: s kontsa XIX v. do 1964 g. M., 1966.
36. *Shruba M.* Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'. M., 2004.
37. *Sobolev A. L.* Khronika odnogo skandala // Sobolev A. L. Strannoliubskii perebarshchivaet. Skonapel' istoar. M., 2013 (Leteiskaia biblioteka. Ocherki i materialy po istorii russkoi literatury XX veka; [vyp.] II).
38. *Timenchik R. D.* Vladimir Gippius // Rodnik. 1988. № 4.
39. *Uspenskii L. V.* Zapiski starogo peterburzhtsa. L., 1970.

Лада Геннадьевна Панова

приглашенный исследователь
Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

Lada Gennad'evna Panova

Visiting Researcher, University of California (Los Angeles)

ORCID: 0009-0001-7955-5564

lada_panova@hotmail.com

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ» — УСТАМИ «БЫВШЕГО»: «ДЕКАБРЬ МОРОЗИТ В НЕБЕ РОЗОВОМ...» М. А. КУЗМИНА

THE «PETERSBURG TEXT» FROM THE MOUTH OF «HAS-BEEN»: DEKABR' MOROZIT V NEBE ROZOVOM... BY M. A. KUZMIN

Делается попытка увидеть «Декабрь морозит в небе розовом...» (1920) по-новому — как «петербургский текст». Уникальность предложенной Кузминым трактовке придают: 1) экфрасис, отсылающий к символу Петербурга, хотя и основоположному, но в русской поэзии не замеченному; 2) нетривиальный лексический узор — вопреки традиции минимум иноязычных слов, максимум русских бытовых; 3) петербургские интертексты (Пушкин, Блок, Анна Радлова); 4) старорежимное, а не пореволюционное голосование; 5) всеобъемлющая метафора-экфрасис «Меншиков в Березове».

Ключевые слова: М. А. Кузмин, монографический разбор стихотворения, «петербургский текст», экфрасис, «Меншиков в Березове» В. И. Сурикова, интертексты, пореволюционная эстетика, стилистика.

This article offers a novel close reading of Mikhail Kuzmin's «Dekabr' morozit v nebe rozovom...» («December is Freezing in the Pink Sky...», 1920) — as a «Petersburg text». Kuzmin's poem is shown to be a unique variation of its master plot thanks to: 1) an ekphrasis of a foundational symbol of Petersburg, Kuzmin's original contribution to Russian poetry; 2) an unconventional lexical pat-

tern: a minimal number of words of foreign origin vs. maximum of everyday Russian vocabulary; 3) Petersburg intertexts (Pushkin, Blok, Anna Radlova); 4) pre-revolutionary rather than post-revolutionary speech patterns; and 5) the overarching metaphoric ekphrasis «Menshikov in Berezhovo».

Key words: М. А. Kuzmin, monographic analysis of a poem, «Petersburg Text», ekphrasis, *Menshikov in Berezhovo* by V. I. Surikov, intertexts, postrevolutionary esthetics, stylistics.

Список литературы

1. Антология Петербургской поэзии эпохи акмеизма / Ed. by G. Ivask and H. W. Tjalsma. München, 1973.
2. *Бедный Д.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 2.
3. *Бенуа А.* История русской живописи в XIX веке. М., 1995.
4. *Блок А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997–1999. Т. 3, 5.
5. *Брюсов В.* Избр. соч.: В 2 т. М., 1955. Т. 1.
6. *Волошин М.* Суриков // Волошин М. Собр. соч.: В 13 т. М., 2005. Т. 3.
7. *Гаспаров М.* Академический авангардизм. Природа и культура в поэзии позднего Брюсова. М., 1995.
8. *Гаспаров М.* Метрический справочник // Гик А. Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина. М., 2015. Т. 4.
9. *Гаспаров М.* «По вечерам над ресторанами...» (4-ст. ямб ДМДМ: становление ореола) // Гаспаров М. Метр и смысл. М., 1999.
10. *Гендриков В.* Петропавловская крепость. Факты, гипотезы, легенды. М.; СПб., 2011.
11. *Гик А.* Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина: [В 4 т.]. М., 2005–2015.
12. *Гиппиус З.* Стихотворения / Сост., подг. текста и прим. А. В. Лаврова. СПб., 1999.
13. *Гумилев Н.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 2001. Т. 4.
14. *Душенко К.* «...Быть пусту»: «проклятие Евдокии» и его рецепция в русской культуре XIX — начала XX вв. // Литературный факт. 2023. № 1 (27).
15. *Душенко К.* Петербургская легенда о наводнении и миф о «конце Петербурга» // Филология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5 (2).
16. *Зверева Т.* Суриковский след в русской поэзии XX века // Филологический класс. 2018. № 1.
17. *Иванов Г.* Стихотворения / Вступ. статья, сост., прим. А. Арьева. СПб., 2010 (Новая библиотека поэта).
18. *Кеменов В. В. И.* Суриков: Историческая живопись, 1870–1890. М., 1987.
19. *Корниенко С.* Михаил Кузмин // Русская литература 1920–1930-х годов: В 2 т. М., 2008. Т. 2.
20. *Коришнов Н.* Таинственный Петербург: Ожившие легенды и непостижимые тайны города на Неве. М., 2024.
21. *Кузмин М.* Дневник 1917–1924: В 2 кн. / Под общ. ред. А. Пахомовой. СПб., 2025.
22. *Кузмин М.* Проза: В 12 т. Berkeley, 2000. Т. 11.
23. *Кузмин М.* Собр. стихов: В 3 т. / Сост., подг. текста и комм. Дж. Малмстада и Вл. Маркова. München, 1977. Т. 3.
24. *Кузмин М.* Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. Н. А. Богомолова. 2-е изд., испр. СПб., 2000 (Новая библиотека поэта).
25. *Лившиц Б.* Полутороглазый стрелец: стихотворения, переводы, воспоминания / Сост. Е. Лившиц и П. Нерлера. Л., 1989.
26. *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956–1958. Т. 2, 8.
27. *Милашевский В.* Вчера, позавчера: воспоминания художника. Л., 1972.
28. *Морев Г.* Из комментария к текстам Кузмина. II // Новое литературное обозрение. 1993. № 5.
29. *Невзглядова Е.* О стихе. СПб., 2005.
30. *Некрасов Н.* Полн. собр. стихотворений: В 3 т. Л., 1967. Т. 2 (Библиотека поэта. Большая сер.).
31. *Образ Петербурга в поэзии* / Сост. Т. Дубровиной. СПб., 2008.
32. *Панова Л.* *Итальянцы, русцы:* Данте и Петрарка в литературном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. М., 2019.
33. *Панова Л.* Михаил Кузмин // Русская литература XX века: 1930-е — сер. 1950-х гг. / Под ред. М. Липовецкого и др.: В 2 т. М., 2014. Т. 2.
34. *Пахомова А.* Непрошенный пришелец: Михаил Кузмин. От Серебряного века к неофициальной культуре. М., 2025.
35. *Петербург — Петроград — Ленинград в русской поэзии* / Сост. К. Афанасьева и др. Л., 1975.
36. *Петербург в русской поэзии (XVIII — начало XX века): Поэтическая антология* / Сост., автор вступ. статьи и комм. М. Отрадина. Л., 1988.
37. *Пильняк Б.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2003. Т. 1.

38. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1948. Т. 3. Кн. 1; 5; 6.
39. Ронен О. О «русском голосе» Осипа Мандельштама // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.
40. Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград в русской поэзии. Антология / Сост., предисловие, комм. М. Синельникова. СПб., 1999.
41. Селезнев Л. К вопросу о прижизненных публикациях стихотворения М. Кузмина «Декабрь морозит в небе розовом...» («Меньшиков в Березове») // Новое литературное обозрение. 1997. № 24.
42. Суханова И. Особенности интермедийных связей в стихотворных текстах М. Кузмина // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1.
43. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избр. труды. СПб., 2003.
44. Тэффи. Кузмин // Тэффи. Моя летопись / Сост., предисловие Ст. Никоненко. М., 2015.
45. Унбегаун Б. Русские фамилии / Пер. с англ. под ред. Б. Успенского. М., 1989.
46. Ходасевич Вл. Собр. соч.: В 8 т. М., 2009. Т. 1.
47. Шайкевич А. Петербургская богема (М. А. Кузмин) / Вступ. заметка и прим. Г. Морева // Русская литература. 1991. № 2.
48. Malmstad J., Bogomolov N. Mikhail Kuzmin: A Life in Art. Cambridge, Mass.; London, 1999.
49. Sub rosa: Аделаида Герцык, София Парнок, Поликсена Соловьева, Черубина де Габриак / Сост., подг. текстов и комм. Т. Жуковской, Е. Калло. М., 1999.

References

1. Antologija Peterburgskoi poezii epokhi akmeizma / Ed. by G. Ivask and H. W. Tjalsma. München, 1973.
2. Bednyi D. Sobr. soch.: V 5 t. M., 1954. T. 2.
3. Benua A. Istoriia russkoi zhivopisi v XIX veke. M., 1995.
4. Blok A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1997–1999. T. 3, 5.
5. Briusov V. Izbr. soch.: V 2 t. M., 1955. T. 1.
6. Dushenko K. «...Byt' pustu»: «proklatie Evdokii» i ego retseptsia v russkoi kul'ture XIX — nachala XX vv. // Literaturnyi fakt. 2023. № 1 (27).
7. Dushenko K. Peterburgskaia legenda o navodnenii i mif o «kontse Peterburga» // Filosofia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2021. T. 5 (2).
8. Gasparov M. Akademicheskii avangardizm. Priroda i kul'tura v poezii pozdnego Briusova. M., 1995.
9. Gasparov M. Metricheskii spravochnik // Gik A. Konkordans k stikhotvoreniiam M. Kuzmina. M., 2015. T. 4.
10. Gasparov M. «Po vecheram nad restoranami...» (4-st. iamb DMDM: stanovlenie oreola) // Gasparov M. Metr i smysl. M., 1999.
11. Gendrikov V. Petropavlovskaja krepost'. Fakty, gipotezy, legendy. M.; SPb., 2011.
12. Gik A. Konkordans k stikhotvoreniiam M. Kuzmina: [V 4 t.]. M., 2005–2015.
13. Gippius Z. Stikhotvorenii / Sost., podg. teksta i prim. A. V. Lavrova. SPb., 1999.
14. Gumilev N. Poln. sobr. soch.: V 10 t. M., 2001. T. 4.
15. Ivanov G. Stikhotvorenii / Vstup. stat'ia, sost., prim. A. Ar'eva. SPb., 2010 (Novaia biblioteka poeta).
16. Kemenov V. V. I. Surikov: Istoricheskaia zhivopis', 1870–1890. M., 1987.
17. Khodasevich Vl. Sobr. soch.: V 8 t. M., 2009. T. 1.
18. Kornienko S. Mikhail Kuzmin // Russkaia literatura 1920–1930-kh godov: V 2 t. M., 2008. T. 2.
19. Korshunov N. Tainstvennyi Peterburg: Ozhivshie legendy i nepostizhimye tainy goroda na Neve. M., 2024.
20. Kuzmin M. Dnevnik 1917–1924: V 2 kn. / Pod obshch. red. A. Pakhomovoi. SPb., 2025.
21. Kuzmin M. Proza: V 12 t. Berkeley, 2000. T. 11.
22. Kuzmin M. Sobr. stikhov: V 3 t. / Sost., podg. teksta i komm. Dzh. Malmstada i Vl. Markova. München, 1977. T. 3.
23. Kuzmin M. Stikhotvorenii / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. N. A. Bogomolova. 2-e izd., ispr. SPb., 2000 (Novaia biblioteka poeta).
24. Livshits B. Polutoroglazyi strelets: stikhotvorenii, perevody, vospominaniia / Sost. E. Livshits i P. Nerlera. L., 1989.
25. Maikovskii V. Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1956–1958. T. 2, 8.
26. Malmstad J., Bogomolov N. Mikhail Kuzmin: A Life in Art. Cambridge, Mass.; London, 1999.
27. Milashevskii V. Vchera, pozavchera: vospominaniia khudozhnika. L., 1972.
28. Morev G. Iz kommentariia k tekstam Kuzmina. II // Novoe literaturnoe obozrenie. 1993. № 5.
29. Nekrasov N. Poln. sobr. stikhotvorenii: V 3 t. L., 1967. T. 2 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).

30. Nevzgliadova E. O stikhe. SPb., 2005.
31. Obraz Peterburga v poezii / Sost. T. Dubrovinoi. SPb., 2008.
32. Pakhomova A. Neproshenyi prishelts: Mikhail Kuzmin. Ot Serebrianogo veka k neofitsi-al'noi kul'ture. M., 2025.
33. Panova L. *Ital'ianias', ruseia*: Dante i Petrarka v literaturnom diskurse Serebrianogo veka ot simvolistov do Mandel'shtama. M., 2019.
34. Panova L. Mikhail Kuzmin // Russkaia literatura XX veka: 1930-e — ser. 1950-kh gg. / Pod red. M. Lipovetskogo i dr.: V 2 t. M., 2014. T. 2.
35. Peterburg — Petrograd — Leningrad v russkoi poezii / Sost. K. Afanas'eva i dr. L., 1975.
36. Peterburg v russkoi poezii (XVIII — nachalo XX veka): Poeticheskaia antologiya / Sost., avtor vstup. stat'i i komm. M. Otradina. L., 1988.
37. Pil'niak B. Sobr. soch.: V 6 t. M., 2003. T. 1.
38. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L., 1937–1948. T. 3. Kn. 1; 5; 6.
39. Ronen O. O «russkom golose» Osipa Mandel'shtama // Ronen O. Poetika Osipa Mandel'shtama. SPb., 2002.
40. Sankt-Peterburg — Petrograd — Leningrad v russkoi poezii. Antologiya / Sost., predislavie, komm. M. Sinel'nikova. SPb., 1999.
41. Seleznev L. K voprosu o prizhiznennykh publikatsiiakh stikhotvorennia M. Kuzmina «De-kabr' morozit v nebe rozovom...» («Men'shikov v Berezoze») // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 24.
42. Shaikevich A. Peterburgskaia bogema (M. A. Kuzmin) / Vstup. zametka i prim. G. Moreva // Russkaia literatura. 1991. № 2.
43. Sub rosa: Adelaida Gertsyk, Sofia Parnok, Poliksena Solov'eva, Cherubina de Gabriak / Sost., podg. tekstov i komm. T. Zhukovskoi, E. Kallo. M., 1999.
44. Sukhanova I. Osobennosti intermedial'nykh svyazei v stikhotvornykh tekstakh M. Kuzmina // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2016. № 1.
45. Teffi. Kuzmin // Teffi. Moia letopis' / Sost., predislavie St. Nikonenko. M., 2015.
46. Toporov V. N. Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbr. trudy. SPb., 2003.
47. Unbegaun B. Russkie familii / Per. s angl. pod red. B. Uspenskogo. M., 1989.
48. Voloshin M. Surikov // Voloshin M. Sobr. soch.: V 13 t. M., 2005. T. 3.
49. Zvereva T. Surikovskii sled v russkoi poezii XX veka // Filologicheskii klass. 2018. № 1.

Дмитрий Игоревич Иванов

профессор Института иностранных языков
Таримского университета (Алар, Китай)

Dmitry Igorevich Ivanov

Professor, Institute of Foreign Languages,
Tarim University (Alar, China)

ORCID: 0000-0002-1492-0049

Ivan610@yandex.ru

Дмитрий Леонидович Лакербай

доцент кафедры отечественной филологии
Ивановского государственного университета

Dmitry Leonidovich Lakerbai

Associate Professor, Department of Russian Philology,
Ivanovo State University

ORCID: 0000-0003-3826-0409

lakomotion@yandex.ru